

КОММУ
НАЛКА
НА
ПЕТРО
ГРАДКЕ

АНАСТАСИЯ
ВЕПРЕВА
РОМАН
ОСМИНКИН

Роман Осминкин
Коммуналка на Петроградке

«НЛО»

Осминкин Р.

Коммуналка на Петроградке / Р. Осминкин — «НЛО»,

«Мое тело пахнет жареной картошкой с луком, мои волосы пахнут жареной картошкой с луком, мои мысли пахнут жареной картошкой с луком...».

Коммунальная квартира не раз становилась главным героем и местом действия в советской художественной литературе. Как оказалось, сам феномен коммуналки не исчез с падением старого режима – он удивительным образом адаптировался к новым временам. Роман Осминкин и Анастасия Вепрева поселились в коммунальной комнате в центре Петербурга и взяли на себя роль летописцев этой удивительной архаической реальности. Свои впечатления они фиксировали в Facebook-блоге, из которого и выросло это полудокументальное повествование. Авторы сознательно отказались от отстраненной позиции антропологов ради благородной задачи – описать коммунальный универсум сквозь призму собственного опыта. В результате возник парадоксальный художественный сплав дистопии, литературного вуайеризма и психологической драмы. Роман Осминкин – поэт, арт-критик и перформер, автор книг «Товарищ-вещь» и «Товарищ-слово», Анастасия Вепрева – художница, куратор и редактор портала «К. Р. А. П. И. В. А.». «Коммуналка на Петроградке» впервые была представлена в виде пьесы fringe-программы фестиваля молодой драматургии «Любимовка-2019». Авторы выражают благодарность резиденции «Переделкино» за предоставленную возможность завершения работы над книгой в августе 2021 года.

© Осминкин Р.

© НЛО

Содержание

Письмо по ту сторону жанра	6
Коммуналка на Петроградке 16	16
2016	20
Январь	20
Февраль	34
Март	39
Апрель	45
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Анастасия Вепрева, Роман Осминкин

Коммуналка на Петроградке

Письмо по ту сторону жанра

Алексей Юрчак

Эта книга – эксперимент. Эксперимент интересный, провокационный и в чем-то спорный. Текст написан в смешанном жанре, в котором пересекаются личный дневник, публичный блог, художественная проза, документальный театр и этнографическое исследование. Он заставляет задуматься о том, в каких отношениях находятся автор, герой и читатель, что такое коммунальное пространство в сравнении с частным и публичным, как жанр и эстетика изложения связаны с этикой наблюдения и политикой репрезентации, что общего между литературой, театром, антропологией и реальной жизнью и как все эти темы влияют на принципы письма. Это большие вопросы, про которые немало написано и по поводу которых существует много точек зрения.

По мере чтения соотношение этих жанровых составляющих меняется. И одновременно у авторов – Романа Осминкина и Анастасии Вепревой – меняется и понимание авторами того, что, как и зачем они наблюдают и описывают. Начав с публичного блога, *наблика*, в какой-то момент они его закрывают, объясняя это неожиданной популярностью блога и осознанием того, что настоящие имена героев, которые не были заранее изменены, оказались в публичном пространстве. Но и после закрытия блога дневниковые записи продолжают. Вначале в них немало рассуждений на темы литературной и культурной теории; упоминаются формалисты и другие теоретики. Но постепенно появляются рассуждения об исследовательской стороне проекта, и у авторов меняется ощущение своей ответственности. Сначала ответственность касается исключительно отношений с читателем. Комментируя растущую популярность блога, они замечают, что на автора «налагается не только пресловутая ответственность за слово», но и требование «быть как можно более убедительным для как можно большего числа читателей». Чуть позже появляется ощущение ответственности перед коммунальными соседями – главными героями повествования. «Не подлю ли колонизировать чужую речь?» и «как представлять другого?» – задаются вопросами авторы. Правда, эта новая ответственность своеобразна: слова соседей продолжают звучать в публичном пространстве – их читают с театральной сцены, популярные СМИ берут интервью у авторов, к изданию готовится эта книга – но сами соседи об этом не догадываются.

Такое отношение авторов с живыми героями текста не может не вызывать вопросов из области этики. Но есть ли тут этическая проблема? И если есть, насколько она значительна и в чем именно она заключается? Ответ на эти вопросы частично зависит от того, к какому жанру письма этот текст отнести. Хотя научным исследованием текст не назовешь, у него есть явно выраженная исследовательская составляющая. Авторы не раз сравнивают свои записи с этнографией, а себя с антропологами, исследующими иную культуру. Но при этом авторы также противопоставляют свой подход научному, подчеркивая художественную направленность текста. Учитывая это, я позволю себе ряд комментариев с позиции антрополога, но постараюсь не ограничиваться этой позицией.

Одним из базовых принципов антропологии, как и некоторых других социальных и гуманитарных наук, является неразрывность связи между методом и этикой исследования. В антропологии этическая составляющая влияет на формулировку исследовательской темы, практику сбора материала (этнографию), отношение с информантами и другими людьми, а также на структуру аналитического текста, который пишется на основании исследования. Занимаясь исследованиями в каком-то культурном контексте, антрополог/этнограф не просто смотрит со стороны, пытаясь разобраться в происходящем, а стремится стать участником, проживающим реальность *изнутри*. Этот подход требует длительного погружения, часто на долгие месяцы и годы. Обычно он также подразумевает *открытость* процесса наблюдения – открытость не только для читателей, но и для людей, среди которых исследователь живет и собирает материал. Этнограф не должен скрывать свое истинное лицо и намерения, по крайней мере, в идеале.

Эта позиция подразумевает диалог с информантами и окружающими людьми, что важно как с этической, так и с методологической точек зрения. Публичное описание людей без их согласия, а иногда и при их согласии, может нанести им вред. Но дело еще и в том, что разобраться в социально-культурных смыслах незнакомого контекста вряд ли возможно, не включая «местных» в процесс наблюдения и анализа и не учитывая их точку зрения, комментарии и критику, в том числе по поводу видения этнографа. Картина искажается, если единственной перспективой на происходящее является взгляд наблюдателя.

Авторы этого текста не сообщают своим героям-соседям о том, что ведут наблюдение и делают записи, видимо, считая, что в противном случае их проект будет невозможен. В этом – первое отличие жанра, в котором они пишут, от жанра, в котором пишет этнограф. В принципе авторы понимают это отличие и говорят, что они в общем-то не этнографы, хотя поначалу ощущали себя таковыми. Этнография для них – это, скорее, не метод поиска истины, а способ исследовать новые жанры письма. Кроме того, замечают авторы, пока они наблюдают за соседями, те точно так же наблюдают за ними. А значит, не только они в своем тексте «объективируют» своих соседей, но и те в своих разговорах занимаются «объективацией» их, авторов. Такая взаимная объективация, по мнению авторов, уравнивает обе стороны и снимает этическую проблему. Когда авторы случайно слышат, как соседи в разговоре друг с другом иронично называют их «ботанами», авторы вдруг осознают, что никаких привилегий у них нет: «наше исключительное право раздавать имена и экзотизировать» оказалось «раз и навсегда низвергнуто».

Насколько этот аргумент о взаимной объективации работает? Соседи по коммуналке действительно обсуждают авторов, посмеиваются над ними и говорят не всегда приятные вещи в лицо и за глаза. Однако эти разговоры ведутся внутри коммунального пространства и не адресованы внешней публике. Если в пространстве коммуналки авторы и герои живут в похожих условиях и более-менее равных отношениях, то за пределами коммуналки, в публичном пространстве, где циркулирует этот текст – где у него большая аудитория, где его читают со сцены, где его упоминают в интервью, – их условия далеко не равны. К тому же соседи про свою публичность в этом внешнем пространстве не подозревают. Очевидно, что объективация в данном случае не обоюдная; она идет в одну сторону.

С этической точки зрения такое отношение авторов к героям текста приемлемо в том случае, если герои являются вымышленными персонажами. Здесь мы сталкиваемся с внутренним парадоксом этого текста. Хотя внутри коммуналки авторы взаимодействуют с соседями как вполне реальными живыми людьми и хотя авторы не раз подчеркивают, что они занимаются этнографически точным описанием этих людей, за пределами коммунального пространства они воспринимают этих людей как литературных персонажей. Парадокс в том, что оба

вида отношений с соседями – как с реальными людьми и как с вымышленными персонажами – присутствуют внутри самого текста. Проявляется этот парадокс на разных уровнях: в языке, которым авторы пишут, в выборе тем и событий, которые они описывают, в том, как они комментируют эти события, в рассуждениях авторов о методе наблюдения и жанре письма и т. д. Проявляется он и в том, как этот текст затем циркулирует в публичном пространстве, для какой аудитории он пишется и как вокруг него формируется дискурс комментариев, интервью, публичных чток и обсуждений.

Нельзя сказать, что авторы не догадываются об этом парадоксе. Не говоря о нем открыто, они тем не менее пользуются им в качестве художественного приема. Из-за этого парадокса текст, с одной стороны, сталкивается с этическими проблемами, которые он не в состоянии разрешить, но, с другой стороны, в нем открывается широкое пространство для эксперимента с новыми художественными жанрами и видами письма. Я уже упомянул о роли этнографического метода в этом подходе. Но эксперимент здесь происходит не только во взаимодействии с жанром этнографии, но и с рядом других жанров – художественной прозы, документального театра, этнографического театра, онлайн-блога и, возможно, других жанров. К каждому из этих жанров текст частично относится, но ни с одним из них он не совпадает полностью. Для понимания природы этого текста важно сравнить его с перечисленными жанрами письма. Для начала рассмотрим его в контексте двух жанров – этнографии/антропологии и художественной прозы.

Не секрет, что у этих двух жанров письма есть много общих черт, но этические и методологические принципы каждого из них значительно различаются, что делает сведение одного к другому невозможным. На протяжении всей истории антропологии как дисциплины многие из ее представителей использовали этнографические наблюдения для написания не только исследовательских текстов, но и художественных книг. В первой половине двадцатого века считалось, что художественный текст, основанный на этнографических наблюдениях, способен передать общую культурную атмосферу точнее, чем научная книга. Частично это было связано с тем, что в научных текстах того времени было не принято писать про личный опыт этнографа во время этнографического исследования (чтобы не подорвать «объективность» исследования). А жанр художественной литературы, напротив, позволял это делать. Основатель американской культурной антропологии Франц Боаз (Franz Boas) писал новеллы о жизни североамериканских индейцев и народов Арктики, а его знаменитые ученики Зора Нил Херстон (Zora Neale Hurston) и Алфред Кроубер (Alfred Kroeber) печатались в сборниках художественной прозы и ставили пьесы.

В 1954 году антрополог Лора Боханнан (Laura Bohannan) напечатала ставшую знаменитой книгу «Возвращение к смеху», в которой описала свою жизнь и этнографический опыт в поселении нигерийского племени Тив. Чтобы отделить личные переживания от научного исследования Боханнан напечатала эту книгу под псевдонимом Эленор Смит Боуен (Elenore Smith Bowen). А чтобы не поставить реальных людей, с которыми она общалась, в неловкое положение и не нанести им вреда, она ни разу не упоминает название племени, среди которого жила, и даже название страны. В начале книги Боханнан пишет: «Все герои этой книги, кроме меня, являются вымышленными в полном смысле слова <...> Но описанные события являются реальными событиями, с которыми я лично столкнулась в Африке. Я – антрополог. И племя, которое я описываю, существует в реальности»¹.

¹ Bowen Elenore Smith (Laura Bohannan). Return to Laughter: An Anthropological Novel. Harper and Brothers. 1954.

Контакты художественного и этнографического жанров происходили и в обратном направлении. Курт Воннегут в послевоенные годы изучал антропологию в Чикагском университете, но, не сумев защитить магистерскую диссертацию, оставил академический мир и стал писателем. Однако всю жизнь, по его собственному признанию, он ощущал влияние антропологического жанра на свою манеру письма. В 1971 году Чикагский университет даже присудил Воннегуту магистерскую степень антрополога – правда, лишь почетную – за роман «Колыбель для кошки» (Cat's Cradle), в котором с этнографической точностью и элементами научной фантастики Воннегут описывал вымышленное островное государство, погруженное в сложный контекст колониальной истории, холодной войны и гонки вооружений. События, политические катаклизмы и основные герои книги, которых Воннегут выдумал, были основаны не на реальных фактах, включая те, что он почерпнул из этнографических исследований. Писательница-фантаст Урсула Ле Гуин (Ursula Le Guin), дочь антрополога Альфреда Кроубера, с детства слышавшая споры о культурном релятивизме, которые вели аспиранты ее отца, всю жизнь выдумывала иные культуры, включая миры на других планетах. Следуя антропологической традиции смотреть на себя через взгляд другого, Ле Гуин использовала эти вымышленные миры как призмы, сквозь которые нормы человеческой культуры начинали казаться странными. Ле Гуин «запустила антропологию в космос», как написал про нее один рецензент.

В этих текстах писателей и антропологов художественный вымысел и реальные факты находились в тесном взаимодействии, но никогда не смешивались по соображениям объективности и этики. Реальные события и особенности культуры описывались через персонажей, которые не были портретами конкретных людей, а настоящие имена, названия и легко узнаваемые детали контекста менялись. В тех редких случаях, когда автор пытался выдать вымысел за реальные этнографические факты, его текст быстро терял ценность и как научный, и как художественный. Примером служит книга бывшего антрополога Карлоса Кастанеды «Учение Дона Хуана»². Представленная автором в качестве антропологического исследования, книга приобрела широкую известность, но вскоре была разоблачена как вымысел. Это стоило Кастанеде академической карьеры и репутации честного человека, а его книге – возможности стать полноценным научным или художественным текстом (поспособствовав, правда, ее популярности в области ненаучной эзотерики).

Одним из ключевых отличий художественного и этнографического жанров письма является то, как в них понимается *объективность*. В 1980-х годах дебаты на тему объективности даже вызвали кризис этнографического метода, важной вехой которого стал известный сборник «Writing Culture», вышедший в 1986 году. В его заголовке обыгрывается несколько смыслов, но точнее всего его перевести как «Конструирование культуры на письме»³. Идея заключалась в критике этнографии как таковой. Во вступительной статье Джеймс Клиффорд (James Clifford) писал, что в процессе этнографии сторонний наблюдатель занимается конструированием фактов, что делает этнографию не столько описанием реальности, сколько ее выдумыванием.

Эта критика повлияла на практику этнографов – но в первую очередь благодаря обратной реакции, которую она вызвала. Стало очевидно, что решение проблем объективности заключается не в том, чтобы отменить этнографию как таковую, а в том, чтобы практиковать более рефлексивную этнографию, в процессе которой исследователь анализирует не только внешние факты, но и свое особое положение в «поле», свой взгляд наблюдателя и процесс наблюдения, неравенство социальных позиций между собой и людьми, среди которых он проводит исследование, этические проблемы, которые возникают в результате этих отличий и так далее. После этого большинство этнографических текстов стало включать описание личного опыта

² Кастанеда Карлос. Учение Дона Хуана: Путь знания индейцев яки. София, 2008.

³ Clifford James and Marcos George. Writing Culture: The Poetics and Politics of Ethnography. UC Press. 1986.

этнографа в процессе исследования. Одновременно художественной прозы, которая раньше описывала этот опыт по примеру книги Лоры Боханнан, стало гораздо меньше.

Объективность – понятие неоднозначное. Ее нельзя свести к объективной незаинтересованности и отстраненности наблюдателя, как считает позитивистская наука. Не существует абсолютного, отстраненного описания фактов, так же как не существует способа смотреть абстрактным «божественным» взглядом, который, по выражению Донны Харауэй, «смотрит ниоткуда и видит все». Взгляд наблюдателя всегда отмечен конкретной *ситуационностью* или *расположенностью* (*situatedness*)⁴ – он имеет свою ориентацию и перспективу по отношению к объекту наблюдения, он оформлен конкретной «телесностью» смотрящего (не обязательно биологической), он наделен исторически и культурно сформированным способом видения, подмечающим одни детали и не замечающим других и т. д. Объективность – это не противоположность субъективности. Напротив, объективность означает, что наблюдатель отдает себе отчет в субъективности своего взгляда и учитывает этот факт при наблюдении. Это особенно важно в этнографии.

Критика объективности повлияла на основной метод этнографического исследования – включенное наблюдение или, точнее, *участвующее* наблюдение⁵. Этот метод подразумевает не только глубокую погруженность этнографа в контекст иного культурного сообщества, но также участие представителей этого сообщества в процессе исследования. Важны их точка зрения, понимание, комментарии и критика. Это дает возможность этнографу увидеть субъективность собственного взгляда через призму взгляда другого. Как писал антрополог Рой Вагнер, в методе участвующего наблюдения «другой» занимает позицию не только объекта исследования, но и его субъекта, соучастника, соавтора⁶. Трудно достичь объективности наблюдения, если оно проводится в отрыве от точки зрения наблюдаемых. Важно «давать живой, неотредактированный голос самим информантам, наделять их правом и возможностью критиковать этнографические наблюдения и выводы», замечает антрополог Сергей Абашин⁷. Взгляд другого является составной частью антропологического взгляда. Этот метод подразумевает определенное раздвоение или, точнее, *удвоение* сознания самого исследователя, пребывание в двух несовпадающих состояниях одновременно – в состоянии внешнего наблюдателя и внутреннего участника, человека, который смотрит своим взглядом на «другого» и взглядом «другого» на себя.

Очевидно, что, наблюдая и записывая, авторы данного текста руководствуются несколько другими принципами. Это отличает их текст и весь процесс наблюдения и анализа от жанра этнографии. С одной стороны, как включенные этнографы они погружены в контекст на правах реальных жильцов коммуналки. С другой стороны, соседи ничего про их наблюдения не знают, то есть активной обратной связи внутри текста нет. С позиции метода и этики такой процесс наблюдения является не вполне участвующим, а авторский текст – не вполне этнографией. Авторы этого различия, в принципе, не скрывают. Несмотря на частые сравнения себя с этнографами, они одновременно дистанцируются от этнографии/антропологии.

⁴ Haraway Donna. Situated Knowledges: The Science Question in Feminism and the Privilege of Partial Perspective / Feminist Studies. Vol. 14. № 3 (Autumn, 1988). P. 581.

⁵ В английском и французском вариантах, на которых написаны многие классические работы по антропологии, наблюдение называется «участвующим» – participant observation (*англ.*) и observation participante (*франц.*).

⁶ Wagner Roy. Invention of Culture. Pearson Education, 1975.

⁷ Абашин Сергей. Форум – Этические проблемы полевых исследований / Антропологический форум. 2006. № 5. С. 14.

В какой-то момент авторы сравнивают свой метод с другим жанром – *фактографическими* экспериментами Сергея Третьякова. Третьяков и его коллеги по литературно-театральному авангарду 1920–1930-х годов считали, что фактографическое исследование материала жизни подразумевает особый вид этики. Пишущий в фактографической манере автор, которого Третьяков называл очеркистом, «не просто пассивно фиксирует реальность, но берет на себя личную ответственность за свой материал», делая его частью своей биографии. Ответственность перед материалом человеческой жизни означала для Третьякова, что наблюдатель не может отделить себя от тех, кого он исследует и описывает: «Нельзя просто наблюдать за объектом. Вместо этого, постоянно работая с объектом, ты становишься органически связанным с ним», а значит, «ты должен осознать степень своей социальной ответственности перед объектом...»⁸

Факт, полученный в результате наблюдения и художественного описания, согласно Третьякову, не является лишь чем-то внешним, полностью заданным заранее – тем, что наблюдатель пассивно фиксирует. Напротив, любой факт реальности всегда частично конструируется в процессе наблюдения. Как отмечает Девин Фор, «несмотря на сегодняшнюю тенденцию понимать факт как объективную данность – своего рода онтологический краеугольный камень реальности», для Третьякова было очевидно, что факты не просто обнаруживаются во внешнем мире, а частично производятся и фабрикуются⁹. Процесс производства фактов в фактографическом жанре художественного письма зависит от конкретной перспективы наблюдателя и происходит во взаимодействии наблюдателя и наблюдаемого. Близость авторов фактографическому жанру проявляется, например, когда они замечают, что, наблюдая за жизнью коммуналки, они не просто фиксируют события и фразы, а участвуют в их производстве. В процессе наблюдений, дневниковых записей, чтения комментариев читателей и общения с интервьюерами у авторов несколько меняется отношение к происходящему. Они начинают обращать больше внимания на одни факты и реакции и меньше на другие, провоцировать соседей на определенные высказывания, а порой даже додумывать какие-то фразы за соседей. Такое додумывание, как им кажется, может придать событию не меньше, а больше фактографической точности.

Метод Третьякова предшествовал современному *документальному театру*¹⁰. Данный текст связан с жанром документального театра даже в большей степени – в публичном пространстве текст быстро приобрел элементы театральности; молодые актеры в разных контекстах читали его со сцены, разыгрывая роли реальных соседей по коммуналке. Тем не менее этот текст имеет как минимум два отличия от жанра документального театра. Первое отличие заключается в этике репрезентации. Для большинства представителей документального театра, как и для этнографов, важно, чтобы не только имена и детали биографии реальных людей, слова которых воспроизводятся со сцены, были скрыты, но и позиция героев не игнорировалась¹¹. Как подчеркивала создатель *Teampa.doc* Елена Гремина, документальный театр

⁸ Третьяков Сергей. Цит. по: Фор Девин. Сергей Третьяков: Факт / Русские формалисты. Формы и структуры: Антология российского модернизма. Под ред. С. Ушакина. М.: Кабинетный ученый, 2016. Т. 2. С. 188.

⁹ Фор Девин. С. 185.

¹⁰ Российский документальный театр сегодня связывают и с фактографией Третьякова, и с современным британским дословным театром (verbatim theater).

¹¹ См. Напр.: Young Stuart. The Ethics of the Representation of the Real People and Their Stories in Verbatim Theatre in Emer O'Toole et al. Ethical Exchanges in Translation, Adaptation and Dramaturgy. Brill, 2017. О связи британского дословного театра и российского документального театра см.: Flynn Molly. The Trial That Never Was: Russian Documentary Theatre and the Pursuit of Justice / New Theater Quarterly. 2014. Vol. 30. № 4. P. 307–317.

не должен относиться к живому человеку как отстраненный наблюдатель, который изучает занятых существ, но не прислушивается к их мнению по поводу этого изучения. В качестве иллюстрации того, как отношения между наблюдателем и наблюдаемым не должны строиться. Гремина приводила картину Эдуарда Мане «Завтрак на траве»: «Мужчины сидят, одетые в черные костюмы, а женщины сидят голые»¹². В данном тексте имена соседей изменены, но их мнение не обсуждается (при этом то, что они живут в одной квартире с известными авторами, вряд ли действительно анонимизирует их). Как с этим поступать, не вполне очевидно. Второе отличие этого текста от документального театра связано с процессом наблюдения. Тексты в жанре документального театра обычно пишутся на основании относительно кратких и несистематических наблюдений, ситуаций, интервью. А данный текст, как уже говорилось, написан на основе длительного наблюдения изнутри. Это второе отличие является, безусловно, значительным преимуществом этого текста и сближает его с еще одним жанром – *этнографическим театром*. Как я упомянул выше, в антропологии всегда существовала область, которая экспериментировала на границе этнографии и художественных жанров. Сегодня эти эксперименты особенно распространены в этнографическом фильме и этнографической пьесе. Приведу один пример. Недавно молодая антрополог Кассандра Хартблэй (Cassandra Hartblay) из Университета Торонто в течение нескольких лет прожила в Петрозаводске в сообществе людей с ограниченной физической мобильностью. За годы жизни и тесного общения с этими людьми и с теми, кто их окружает, Кассандра со многими подружилась. Кроме научного исследования по материалам своей этнографии она написала документальную пьесу об этих людях. Пьеса была поставлена в нескольких американских театрах и планируется к постановке в России¹³.

Все персонажи пьесы имеют реальных прототипов, но их имена, детали биографии и узнаваемые детали контекста изменены. Актеры со сцены говорят реальными фразами, воспроизводя реальные ситуации. Но многие фразы и ситуации добавлены или изменены. Люди, среди которых Кассандра жила, с самого начала знали о ее этнографическом исследовании и о планах написать пьесу. Многие из них принимали активное и заинтересованное участие в обоих проектах, обсуждая наблюдения и размышления антрополога, а впоследствии участвуя в читке и обсуждении пьесы, комментируя, соглашаясь, не соглашаясь, исправляя, критикуя, дорабатывая. Пьеса высвечивает разные вопросы, включая проблемы и предрассудки, с которыми сталкиваются люди с физическими ограничениями как в российском, так и в североамериканском контекстах. Ее идею нельзя свести к критике; напротив, она заряжена уважением и оптимизмом, а по форме поражает ощущением эксперимента. Жанр участвующего наблюдения, который материализовался в пьесе, и участие в ее создании тех, о ком она написана, дает возможность показать их с нормальной стороны – показать, что несмотря на проблемы, ограничения и стереотипы они, как и все, живут сложной полноценной жизнью и их возможности куда шире, чем может показаться.

Как и пьеса Кассандры Хартблэй, текст данной книги существует в виде театральной пьесы. Его герои тоже реальные люди, жители коммуналок, которые тоже сталкиваются с ограничениями, правда, скорее социально-экономическими, классовыми, и написан этот текст тоже на основании длительного наблюдения. Но поскольку в процессе этнографии, а также в создании текста пьесы герои не участвовали, этот жанр отличается от этнографического театра. Поэтому авторский подход следует сравнить еще с одним жанром, который на их письмо, безусловно, повлиял, – жанром *блога*. Начав когда-то писать свой текст в виде блога, авторы не думали, что это начало большого проекта, пьесы и книги. Блог был настолько небольшим, что им не пришлось в голову скрыть реальные имена соседей. Но когда блог неожиданно приобрел

¹² *Королев Андрей*. Документальный театр – это не политический контекст, это инструмент для исследования. Интервью с Еленой Греминой / Настоящее время. Апрель 2017, <https://www.currenttime.tv/a/28393413.html>.

¹³ Пьеса называется «Я никогда не была одинока, или Опорники»; ее английский вариант вышел в виде книги: *Hartblay Cassandra*. I was never alone or Oporniki: An Ethnographic Play on Disability in Russia, University of Toronto Press, 2020.

популярность и широкую аудиторию, авторам показалось, что обсуждать его с соседями уже поздно и это может вызвать нежелательную реакцию.

Жанр блога – особенный. Блог располагается между частным и публичным пространствами, между дневниковой записью и внешней аудиторией. Он часто пишется синхронно с событиями, и аудитория читает и комментирует его в том же ритме. Эти условия влияют не только на форму и содержание записей, но и на процесс наблюдения и взгляд автора. Автор может ощущать необходимость регулярно обновлять посты, фокусироваться в своих постах на определенных фактах и случаях, писать интересным языком, менять стиль, реагировать на комментарии читателей и т. д. Такие черты блога могут подтолкнуть автора не только фиксировать одни факты и игнорировать другие, но и додумывать детали и высказывания, добавляя им необычности или художественности. Этим блог отличается от традиционных этнографических записей и от других вышеперечисленных жанров, не ориентированных на онлайн-аудиторию и синхронную обратную связь. Кроме того, в жанре блога, как и в жанре поста в социальных сетях, сложилась традиция чаще писать о конкретных людях, не скрывая их идентичности. Этические принципы в этом жанре *не-совсем-публичного* письма не совпадают с принципами публичного дискурса, тем более этнографии. Находясь в пространстве блога, автору может быть легче воспринимать читателей как активных собеседников, перед которыми автор несет ответственность, а тех, о ком блог пишет, напротив, воспринимать как объекты отстраненного наблюдения.

Несмотря на то что в какой-то момент блог был закрыт, жанр блога продолжал влиять на форму, в которой по-прежнему писался текст. Но влиял он на эту форму лишь отчасти, как один из нескольких вышеперечисленных жанров – антропологии/этнографии, художественной прозы, фактографии и документального и этнографического театра (это перечисление, безусловно, не исчерпывает жанровых особенностей текста). Пересекаясь с каждым из этих жанров, данный текст не совпадает ни с одним из них полностью – ни по форме письма, ни по замыслу, ни по этическим и исследовательским принципам, ни по художественной составляющей. Поэтому не совсем правомерно оценивать этот текст с позиции других жанров, например, этических норм только этнографии.

Жанр, в котором написан этот текст, отличается от перечисленных жанров как минимум по двум причинам. Первой причиной является то, как авторы воспринимают особое пространство коммуналки. В отличие от коммуны, хипстерского сквота или группы друзей, снимающих общее жилье, большинство коммунальных соседей оказалось вместе по случайному стечению обстоятельств. Хотя здесь, безусловно, складывается более-менее единое культурное пространство, говорить о солидарном сообществе трудно. Проводя много времени в этом пространстве, соседи тем не менее разобщены. Социальная близость здесь сосуществует с атомизацией, а возникающие приятельские отношения – с соперничеством, раздражением и безразличием. Тут многие наблюдают за многими, и все обсуждают всех. В этом контексте, как, видимо, кажется авторам, рассказать соседям о проекте и предложить им его комментировать – означает сделать проект невозможным и разрушить с соседями отношения.

Возможно, авторы правы. Возможно, приглашение соседей участвовать в проекте, в котором описываются их быт, поведение, отношения и язык, вызовет у них отторжение. Правда, как вам скажут антропологи, имеющие опыт полевых исследований в разных контекстах, такой вывод далеко не очевиден, и многое зависит от того, как сформулировать тему этнографии. С другой стороны, проводить какие-то части этнографического наблюдения, не включая в него комментарии наблюдаемых, не редкость и в самой антропологии. Существует множество ситуаций, в которых открыто проводить этнографию становится невозможно, неэтично или небез-

опасно. Поэтому неверно было бы настаивать на одинаковых правилах этнографии в каждой ситуации, превращая их в «фетиш», не зависящий от контекста¹⁴. Но тем не менее, занимаясь наблюдениями и публичным описанием, надо стремиться следовать базовому принципу – *не навреди*. Его хорошо сформулировала антрополог Зинаида Васильева: «Если принять метафору хирургической практики применительно к науке, важно помнить, что антрополог/этнограф, в отличие, скажем, от историка античности, „режет по живому“, „без наркоза“¹⁵». Можно ли данный проект отнести к ситуациям, в которых участвующее наблюдение невозможно? Следует ли он базовому принципу этнографической этики? Насколько важна для него эта этика? Ответить на эти вопросы непросто, но этическая дилемма здесь есть и ее стоит обсуждать.

Второй и самой важной причиной, по которой этот текст отличается от всех перечисленных жанров, является желание авторов не столько или не только описывать коммуналку, взаимоотношения людей или изменения своего «я» в коммунальном контексте, сколько экспериментировать с природой, формой и процессом *письма* как такового. Это желание ощущается в разных частях текста в большей или меньшей степени, но оно всегда присутствует. Если смотреть на этот текст под таким углом, то видно, что объектом наблюдения авторов становится не окружающая реальность, а непосредственный процесс письма, возникающий из взаимодействия с этой реальностью. То, что авторы относятся к живым людям, присутствующим в тексте, как отчасти вымышленным персонажам, связано, мне кажется, с этой особой *ситуационностью* авторского взгляда – с тем, что этот взгляд смотрит не на окружающий мир, а на природу *письма* через призму этого мира.

Однако этот вывод тоже верен лишь отчасти. Очевидно, что авторы могут рассматривать природу текстуальности и процесс письма через призму окружающего мира именно потому, что они погружены в мало привычную им реальность и окружены живыми людьми, которые кажутся им необычными, непривычными, играющими роль «других». Один из читателей авторского блога написал в своем комментарии: «Все персонажи настолько фриковые», что в них появляется «своя магия». Этот комментарий оставлен нашей общей хорошей знакомой, которую невозможно заподозрить в классовом снобизме. Суть комментария не в том, что «другие» выглядят аутентично странными и потому интересными, а в том, что авторский взгляд на реальность вообще, благодаря наличию этих персонажей, становится иным взглядом, нетрадиционным, ненормальным, а потому *продуктивным* (магическим). Но вновь возникает вопрос: насколько оправданно (этически, методологически, художественно) использовать «инаковость» людей в качестве *приема* по исследованию авторского взгляда и жанров письма? На этот вопрос у меня тоже готового ответа нет, но его тоже стоит обсуждать.

Еще один вывод мне кажется важным. То, что авторский взор устремлен в первую очередь на *текст* через призму «необычной» реальности, приводит к интересному результату на уровне процесса *письма*. Этот процесс можно рассматривать как эксперимент по доведению каждого из перечисленных жанров письма до предела, за которым эти жанры начинают меняться и преобразовываться друг в друга. Онлайн-блог превращается в этнографическое наблюдение, но при этом этнография наследует от блога нехарактерные для нее принципы и методы, которые в традиционной этнографии были бы неприемлемы. Относясь к реальным живым людям как к художественным персонажам, этнография, в свою очередь, превращается в театральную пьесу. Но пьеса наследует у этнографии необычную для пьесы глубину наблюдения изнутри, а у блога – метод публичного подглядывания за живыми героями без их ведома. Театральная пьеса, в свою очередь, преобразуется в книгу с художественным нарративом и особой поэтикой языка, а книга превращается в теоретический текст, полный метакомментариев, самоанализа и методологических обоснований. Эти жанровые преобразования в тексте

¹⁴ См. *Абашиш Сергей*. Форум – Этические проблемы полевых исследований / Антропологический форум. 2006. № 5. С. 12.

¹⁵ *Васильева Зинаида*. Форум – Этические проблемы полевых исследований / Антропологический форум. 2006. № 5. С. 47.

происходят не поступательно одно за другим, а спорадически, проявляясь в разных частях текста и в разных формах его публичного существования.

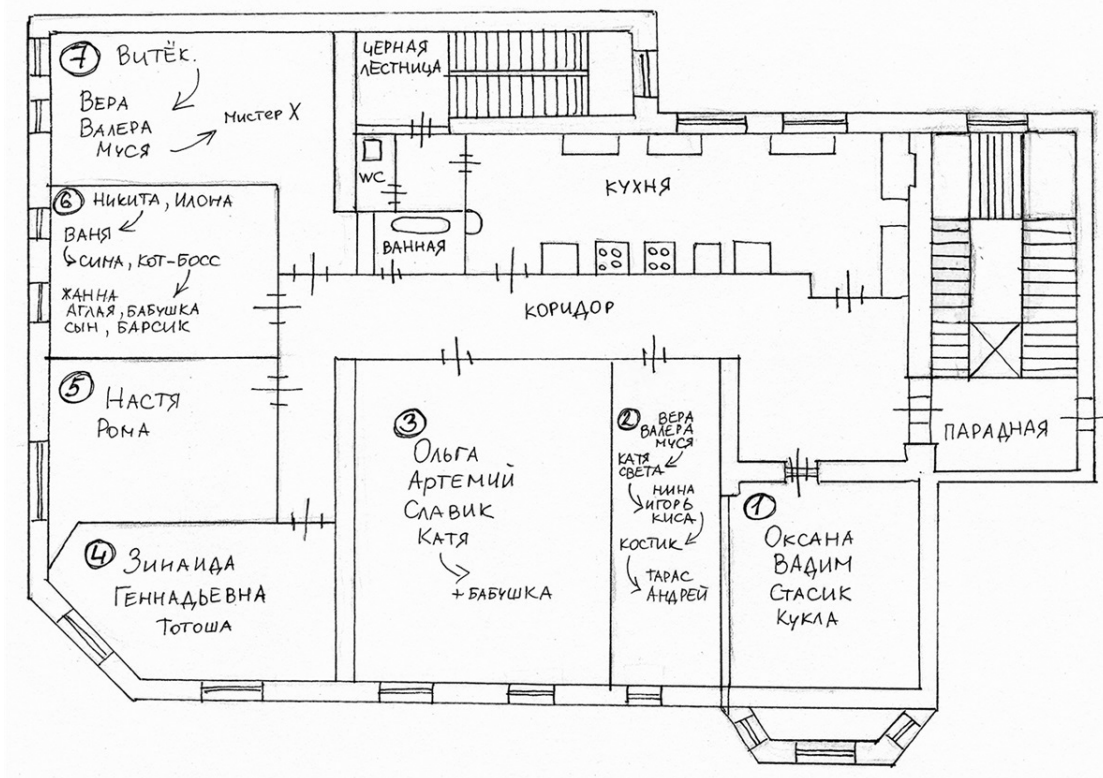
Именно междужанровость и текучесть данного вида письма, мне кажется, являются его наиболее интересными и продуктивными чертами. Такой подход неизбежно сталкивается с этическими, методологическими и художественными проблемами. Не все в нем продумано до конца, и что-то вызывает сомнения. Но для эксперимента это не удивительно. Текст ставит под вопрос многие общепринятые принципы и открывает пространство для дебатов на темы, которые часто остаются за скобками. Видимо, для этого авторы и затеяли свой проект. То, что они доверили антропологу написать вступление к своей книге, лишней раз это подтверждает. За что я им благодарен.

Коммуналка на Петроградке ¹⁶

Хроники коммунальной жизни Анастасии Вепревой и Романа Сергеевича Осминкина

Коммуналка еще с советских времен являет собой образ места, где частное и публичное смыкаются в общем «бытии выставленности», образуя «напряженный диалог» между социально и психологически разными актерами. Поэт Роман Сергеевич Осминкин и художник Анастасия Вепрева несколько лет проживали в одной из коммунальных квартир на Петроградской стороне Петербурга. Чтобы хоть как-то справляться с коммунальной действительностью, Роман Сергеевич и Анастасия завели блог, куда записывали свой опыт проживания в коммуналке в виде то ли дневниковых заметок, то ли антропологических очерков, то ли репортажей с места событий. Блог быстро обрел популярность, а письмо настолько захватило своих субъектов, что переросло в настоящее вовлеченное исследование, с той разницей, что было уже совсем не ясно – кто и кого тут исследует. Роман и Анастасия и не заметили, как из соглядатаев и подслушивателей сами стали объектами чужих глаз, ушей и разговоров. Иногда возникает ощущение, что это не наши герои описывают свой коммунальный быт и соседей, а сама коммуналка вписывает их в свою драматургическую машину, проходя через их биосоциальные тела – табачным дымом, жиром соседских котлет, укусами клопов, настенными инструкциями, протечками, детскими визгами и полупьяной игрой на расстроенной гитаре посреди коммунальной кухни. Коммунальная реальность в заметках Романа и Анастасии предстает в виде хоть и упорядоченной, но все же антиутопии, наполненной нежелательными аффектами и соседствами, включающими связи агрессии и близости.

¹⁶ Предвосхищая нелюбовь городских знатоков и краеведческой интеллигенции к топониму «Петроградка» в отношении Петроградской (и глубже в историю – Петербургской) стороны, мы сразу же оговоримся, что применительно к коммуналке топоним «Петроградка» выбран нами не случайно и не только для красного словца («женской» клаузулы), но и для сонастройки с языком, с которым нам предстоит иметь дело в книге, языком, характерным для разговорной, экспрессивно окрашенной, а подчас фамильярной и грубой речи. А также для отсылки к общинно-крестьянскому этосу, являющемуся вытесненным недоразложившимся «скелетом в шкафу» современного российского города.

Данная схема пронумерованных комнат представляет карту социальной драматургии отдельно взятой коммунальной квартиры, где каждый номер комнаты отсылает к глоссарию действующих лиц. Схема позволяет наглядно представить топологию разворачиваемых взаимодействий между персонажами (социальными акторами).

1

Оксана – полненькая приземистая сибирячка 30–35 лет, доброго нрава, болтлива при выпивке, неформальный лидер и душа коммуналки.

Вадим – тучный коренастый мужчина 35 лет, дальнобойщик, после ввода налога «Платон» продал фуру и открыл мастерскую по изготовлению ключей. Суровый, но незлобивый, выпивал до обострения язвы, сейчас реже. Страдает одышкой. Брат Артемия.

Стасик – 7–8-летний полненький насупившийся мальчик, сын Оксаны от первого брака и приемный сын Вадима. Чтобы стать чуть более бесстрашным, записался на карате. Занимается творческой самодеятельностью.

Собачка-блехоловка по кличке **Кукла** – вызывает волны умиления у всех, кто ее видит. Часто бегает по кухне.

2

Катя и Света – молодые девушки-медики. Работают по очереди в разные смены, тем самым решая проблему ограниченного пространства комнаты, так как почти никогда не появляются вместе.

Нина, Игорь – молодая пара. Она – худощавая вертлявая болтливая короткостриженная брюнетка 20+, мерчендайзер. Он – татуированный с ранней плешью молодой человек, простоватый, но неагрессивный. Часто ругаются на повышенных тонах между собой.

Кошка **Киса** – пугливое существо, никогда не покидает пределы комнаты.

Костик – мужичок с ноготок, хозяйственный, но запойный.

Тарас и **Андрей**. Обычные курсанты Военно-космической академии имени А. Ф. Можайского, считаются идеальными квартирантами.

3

Артемий – пухлощекий инфантильный мужчина за тридцать, выпивоха и заядлый геймер в онлайн-игру «World of tanks». Работает сутки через трое в хлебопекарне. Брат Вадима.

Ольга – крепко сбита женщина за тридцать, грубоватая, но незлобивая и отходчивая, де-факто глава семьи. Работает на кондитерской фабрике.

Сын **Славик** – 7–8 лет, щуплый тихоня-проказник, бойкий непоседливый мальчик, любящий носиться по квартире и включать воду и свет.

Кошка **Катя** – время от времени собирается с силами и старается покинуть комнату, правда, сразу же теряется и забывает, зачем ей это было нужно, и начинает прятаться.

Двоюродная **бабушка** Ольги. Ольга перевезла ее в коммуналку, чтобы о ней заботиться.

4

Зинаида Геннадиевна – мама Вадима и Артемия, свекровь Оксаны и Ольги. Поджарая короткостриженная женщина чуть за шестьдесят, ростом ниже среднего, хирургическая сестра – работает сутки через трое, старожилка, живущая в коммуналке более пятидесяти лет. По факту является «смотрящей» за хатой: когда дома – следит за каждым шагом соседей и не преминет отчитать за малейшую, с ее точки зрения, провинность.

Собака **Тотоша** и два австралийских попугая.

5

Настя и **Рома** – молодая пара, проживающая в коммуналке третий год и ведущая дневниковые записи. **Настя** – субтильная девушка под тридцать, приехала из Архангельска, современный художник, куратор, имеет обманчиво холодное выражение лица и индифферентную манеру держаться на людях. **Рома** – поэт, мужчина под сорок, член Союза писателей Петербурга, несколько лет пытается получить научную степень по искусствоведению. Невротик, наивно считает коммунальный опыт полезной вакциной от буржуазного сознания.

Из растений и животных – два **алоэ**, молчаливы, нетребовательны.

6

Никита, **Илона** – молодая пара съемщиков. Рано встают и рано ложатся, много работают, делают заготовки еды на неделю вперед, в конфликты стараются не вступать.

Ваня – молодой человек под тридцать, редко выходит из комнаты, работает непонятно где, дома имеет столярный станок и часто что-то вытачивает.

Сима – родственница Оксаны и ее кот **Босс** – ловелас, нахал и повеса.

Жанна, ее дочь **Аглая**, а также 10-летний **сын** и **бабуля-мать** из Удмуртии + кот **Барсик** – семья, оказавшаяся в тяжелом финансовом положении и вынужденная съехаться в одну коммунальную комнату.

7

Витек – запойный молодой человек лет тридцати, осветитель на Ленфильме, в трезвые периоды кроток и меланхоличен, что в сочетании с мускулистой конституцией производит странное впечатление.

Вера, Валера – пара среднего возраста, съемщики родом из Луганской области, переехавшие еще до конфликта на Донбассе. Их дети выросли и живут отдельно.

Вера – крупная короткостриженная брюнетка с низким голосом и характерным восточноукраинским акцентом. Работает горничной в отеле.

Валера – поджарый рукастый мужичок лет сорока, ниже Веры на голову, с небольшим дефектом речи, любит ерничать, неагрессивен, почти не пьет. Работает на стройке.

Кошка **Муся** – любопытное животное, все время желающее знать, что происходит в соседних комнатах.

2016

Январь

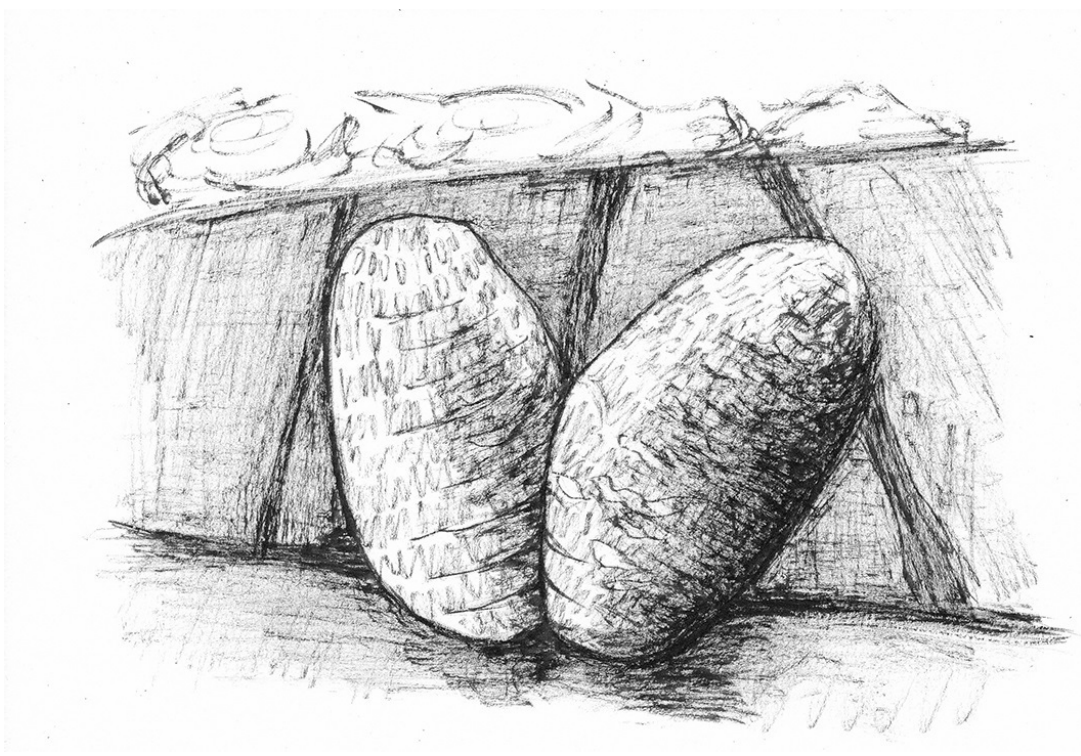
1 января 2016

Мы, Анастасия Вепрева и Роман Сергеевич Осминкин, открываем дневниковые записи в жанре включенного наблюдения за одной коммунальной квартирой на Петроградской стороне. Что из этого выйдет, мы сами пока не очень представляем. Присоединяйтесь к чтению этого документа, предоставляемого нам самой жизнью!

Эти грибы выросли у нас в комнате между паркетин в новогоднее «прекрасное» утро, став последним знаком о необходимости начала ведения наших коммунальных очерков.

1 января. Осминкин пишет:

Поздним утром у одного из наших соседей – Витька – началось что-то похожее на белую горячку. Я слышал женские визги и вышел в коридор. Там я разнимал драку Витька и другого соседа, Вадима. Почти нежно я просил не устраивать поножовщины в первый же день нового года (как будто бы ее можно было бы отсрочить на несколько дней). Витек вращал безумными глазами, как шарнирами. Метафора избитая, но единственно верная в данном случае, так как я почти слышал скрип его шарообразных белковых телец внутри глазниц – они были расширены и немигающе устремлены во все стороны и в никуда одновременно. Тучный и короткий Вадим был зол и пыхтел, грозясь зарыть Витька в землю заживо. Маленькая круглая Оксана, его жена, жизнерадостная сибирячка-повариха, пританцовывала рядом, умоляюще прося Вадима успокоиться, а меня помочь разнять дерущихся. Я спросил у Оксаны и Вадима, не стоит ли вызвать скорую психиатрическую помощь, ведь если у Витька действительно белая горячка, то перспектива жить бок о бок с человеком, могущим в любой момент уснуть с сигаретой в кровати, или забыть газ выключить, или наброситься ни с того ни с сего с ножом, не оставляла мое болезненное воображение. Ответом было снисходительное: «Витек у нас дрессированный, не бойсь...» В итоге для жителей коммуналки все на этот раз закончилось благополучно. Витек остался со своей «белочкой» наедине – были слышны только его лихорадочные передвижения в комнате и нечленораздельные вопли, которые ближе к ночи стихли.

2 января. Вепрева пишет:

Разбудили ранним утром, в 12 часов, колотили в дверь и вопили: «Открывай, сука, открывай, тварь!». Вроде не в нашу. Представила картину, что Виктор, наш сосед-алкоголик, заснул в ванной и утоп, а другие хотят ее принять и нервничают из-за грядущей уборки.

2 января. Осминкин пишет:

После вчерашнего происшествия с Витьком Вадим сидел и курил на кухне. Рядом его женщины – мама и Оксана – нахваливали, какой Вадимчик молодец, что припугнул этого Витю. Вадим для еще большей значимости отвечал, что он бы его вообще убил, если бы их не разняли. А разнял их я и поэтому не избежал заочной похвалы от Оксаны, что она будет знать, что если ее будут убивать в этой квартире, то найдется хоть один человек, который не допустит этого, – сосед Роман.

Когда я появился для приготовления утреннего омлета, Оксана с Вадимом начали выпытывать мои занятия по жизни и наши с Настей планы по поводу регистрации брака и заведения детей. Всегда ожидаю этих вопросов, но никогда не могу быть к ним готовым в абсолютной мере и всегда горожу половину не по сценарию. Вот и сегодня отвечал что-то про то, что я работаю в бюджетной сфере от Минкультуры в научном институте, исследую современное искусство, перформанс и общество. Оксана напоследок дала совет: «Настя такая скромная девушка, таких сейчас мало, в основном все вульгарные такие, курят, матерятся, так что, Рома, зарегистрируйте брак и не тяните».

3 января. Вепрева пишет:

На кухне собрался консилиум. Смеясь и плача, соседи сказали, что Виктор упер у них новогоднюю утку. Холодильники были забиты, поэтому ее пришлось оставить на противне на кухне. Жаркую, нежную, с яблочками и медом, завернутую в фольгу. С утра ее уже не было. Вначале подумали на мать, что унесла ее на работу, но когда она вернулась и все отрицала, возмущение достигло предела – и они стали колотить ему в дверь. Меня уверили, что на нас никто не думает, ведь мы веганы и вообще хорошие люди. Я с нежностью вспомнила обилие

употребленных на Новый год мясных блюд и старалась не умереть от смеха, слушая эту трогательную историю. Они продолжили смаковать подробности алкоголизма Виктора вперемешку с воспоминаниями об утраченной утке. Засим вынесли вердикт – выписывать Виктору штрафы за аморальное поведение – и разошлись.

Осминкин пишет свою версию:

Оксана, оказывается, испекла утку 31 декабря, но так как все наелись, то утку оставили в духовке до возвращения мамы с дежурства 2 января, и вот 2 января все семейство в предвкушении утки уже сидело в одной из комнат нашей коммуналки, но утка исчезла. Сначала никто не поверил в произошедшее, все думали, что мама унесла утку с собой на работу. Мама (Зинаида Геннадиевна) клялась, что не брала утку, но успела ее попробовать и та была очень вкусенькая. Дальше все стрелы были пущены в сторону Вити. Решали, что делать с Витей и какие санкции еще ввести против него, чтобы они наконец возымели действие.

Ольга рассуждала здраво и сдержанно: хочется кушать, так отрежь кусочек, но всю-то зачем забирать. У нас такая маленькая коммуналочка, а не общежитие на сорок комнат, где она раньше жила и все у всех пиздили еду.

Муж Ольги – Артемий пожаловался, что видел, как с утра Витек не стал дожидаться очереди в туалет и пописал в ванную. Все запричитали и постановили выписывать Витьку с этого дня штрафы в сумме нанесенного ущерба.

Вепрева добавляет:

Стоит отметить, что версия Осминкина написана с моих слов, так как он свидетелем события не был.

3 января. *Вепрева пишет:*

Сегодня утром попросились о вписке московские знакомые Ира и ее друг граффитист Дима. Они приехали со своими большими сноубордами. Их выбежала встречать наша глубокоуважаемая соседка, мать семейства, Зинаида Геннадиевна, зажав в узком темном коридоре, где они и так уже застряли, пытаюсь раздеться и разуться. «Не пачкайте мою одежду!» – недовольно проворчала она и убежала на кухню. Мы посадили их на два свободных квадратных метра, расчистив место у стола и достав спрятанный стул, и незамедлительно напоили чаем с тортом «Наполеон», который на Новый год испекла Ромина мама. Самому Роману, по его словам, стало дико стыдно, что к нам не могут спокойно прийти друзья, не будучи зажатыми в узком темном коридоре и обласканными чудесной Зинаидой Геннадиевной. Перед родственниками ему стыдно было бы еще больше, но, слава богу, к нам и так почти никто не ходит.

Ира прочитала в туалете и ванной объявления-диалоги, написанные Зинаидой Геннадиевной, и очень смеялась. Мы выложим их как-нибудь потом. Затем ребята позвонили другой подруге – Ане – договориться о следующей вписке, сказали, что у нас тут мало места и злые соседи, оставили сноуборды и дорожную курицу в ананасах и ушли гулять.

Р. S. Виктор в краже утки не сознался.

4 января. *Вепрева пишет:*

Сын Оксаны скакал на кухне и спрашивал:

– Мама, мама, а мы поедим в Турцию?

Она с сожалением отвечала:

– Там война. Путин запретил нам туда ездить.

– Ну, тогда поехали в Египет! – не унывал ребенок.

– Туда Путин тоже запретил, – взгрустнула Оксана.

– Иди вообще занимайся! Твоя школа скоро сожрет все наши деньги, отдохнуть он еще захотел! – грубо вмешалась его курящая рядом бабушка, Зинаида Геннадиевна.

4 января. *Осминкин пишет:*

Снова про утку. В 22.10 захожу в туалет (он прямо в кухонном предбаннике).

На кухню заходит семейство.

Зинаида Геннадиевна: «Оксана, убери супы в холодильник, чтобы не было как с уткой. У тебя есть место? А то я к себе поставлю».

Оксана: «У нас шаром покати после Нового года, ничегошеньки не осталось, мы все на стол выставили и всех кормили – вот такая мы семья лошариков, полные лошарики».

Зинаида Геннадиевна: «Я к вам тоже носила и колбаску, и салатки, и 1, и 2 и 3 января, а сама ничего не ела, между прочим, носила и не ела...»

Вадим: «А Витюша зато как в рэсторане покушал – пришел, глядь, лежит уточка... с корочкой сучка была, эх так и уебал бы...»

Оксана: «Тише, тише, Вадим, при детях-то...»

Зинаида Геннадиевна: «Хорошо, я свою порцию сразу отрезала и убрала, и вам надо было сразу разделить и убрать».

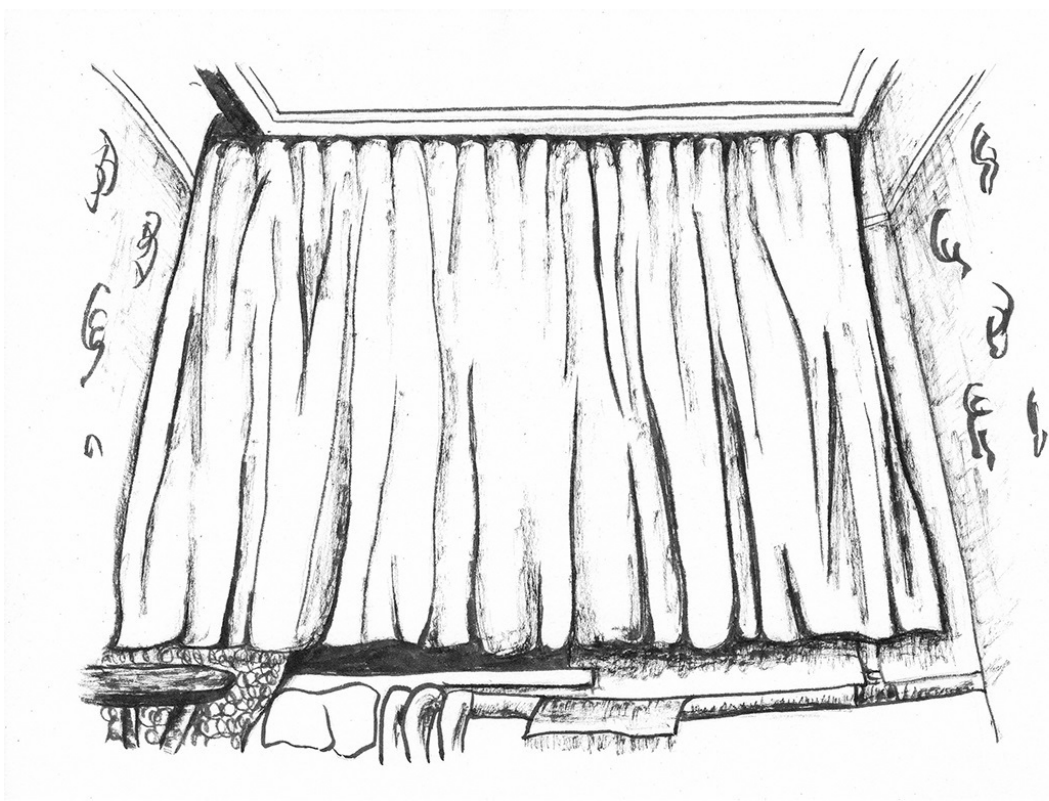
Оксана: «Так все и так обожравшись были, куда еще и утку-то. Вот и оставили в маринаде лежать, соками напиваться».

Зинаида Геннадиевна (передразнивая): «Вот и оставили в маринаде, вот и напилась желудочными соками этого бугая...»

Оксана: «Ой, мама, не травите душу. Мы семья лошариков, чего уж там».

5 января. *Вепрева пишет:*

Сделали шторы из пододеяльника, найденного на помойках Петроградки. Затраты практически гетеронормативные. Осминкин: покупка карниза, доля за новый карниз 490 рублей; высотные работы, удаление остатков старого карниза, монтаж нового, длительность сорок минут, развеска шторы – десять минут, мытье пола – пятнадцать минут. Вепрева: доля за карниз 490 рублей; подача шурупов, страховка высотных работ, моральный хелпинг – сорок минут; распорка найденного пододеяльника, внедрение карнизных крючков в тканую плоть – длительность тридцать минут; вытирание пыли – пять минут. Общая длительность: 1 час 40 минут.

6 января. Осминкин пишет:

Открылась тайна красных глаз и нервного курения двух соседей мужского полу. Инфантильный муж Ольги Артемий и бодрый съемщик Никита с утра на кухне:

Артемий (не здороваясь): «Ну что, бля, апгрейдил семерку свою?»

Никита: «Нет, бля, ебался с немцами до трех ночи, сука, и почти дожал гадов».

Артемий: «А я на восьмере весь день хуячил, сказочно порезвился, восьмера круче, там есть бонусы несгораемые и снаряды можно покупать».

Никита: «У меня движок на восьмерку не потянет. И да ну на хуй возиться с интерфейсом по новой».

Артемий: «Ну зря, я, бля, вчера ночью только так загасился заебца, пока они меня жмут фюзеляжами, я – бац – с другой стороны хуяк тэдэц тыдэц троих сразу, и главное, зарабатывать можно на бонусах, на хуй восьмера круче сто пудов».

Никита: «Ну движок не тянет, надо карту апгрейдить вначале. В пизду, в пизду. У меня уже на тэшки тридцать четвертые рука натаскана, как облупленных знаю пиздец ха-ха».

Артемий: «Да ты че, еб твою мать, а знаешь, как на восьмере они зверюги! Уух ебать колотить рвы берут на шару йобт и мощь брони хуй тебя загасят в лобовой».

Никита (глубоко затягиваясь и нервно гася сигарету): «Короче, блядь, пойду сейчас попробую восьмеру установить, если не потянет, верну семеру».

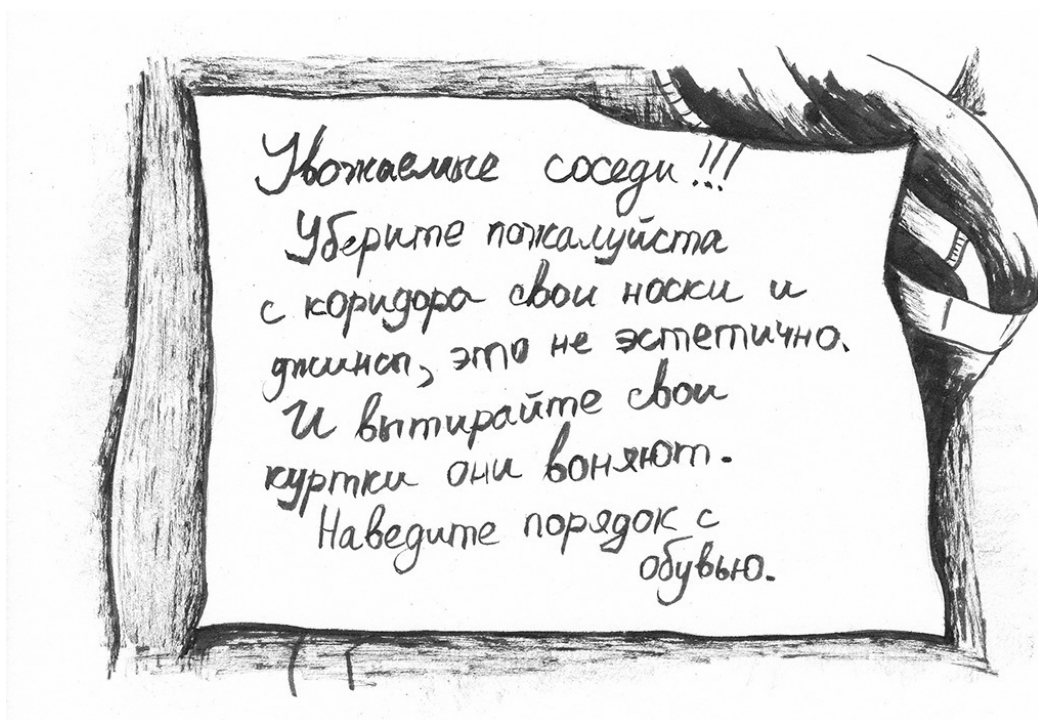
Артемий: «Давай шлепай, я вот сыну пельмени доварю и захуячу курскую дугу, седня Рождество выходной ебт...»

Р. S.: Артемий и Никита, как оказалось, обсуждали популярную онлайн-игру «World Of Tanks». Подумал, что это хороший способ отвлечь диванные войска от слива Новороссии.

7 января. Вепрева пишет:

Разбирали загруженные антресоли, и вместе с облаком пыли оттуда посыпались носки, в которых Осминкин признал давно утерянные свои. Экспертиза помогла сопоставить данные и восстановить полную картину: наша соседка, Зинаида Геннадиевна, возмущенная той чудо-

вишней антисанитарией, которая возникала от оставленных осминкинских носков в осминкинских ботинках, устроила носочный геноцид. Вдоволь нанюхавшись его верхней одежды (о чем он жаловался осенью на своей странице в фейсбуке), она смелой рукой зарывалась в теплоту его еще не остывших носочков, изымала их из ботинок и ловко забрасывала на антресоли, воображая себя, наверное, здоровенным мускулистым баскетболистом и, вероятно, почихивая или покряхтывая от пыли.

8 января. Осминкин пишет:

Впервые застал очередь в вечерний туалет. В это время обычно все соседи либо уже, либо еще спят. Сын Ольги Славик пулей вылетает из комнаты в туалет, дергает дверь, а там занято, бежит по кухне, включает кран с водой и убегает обратно в комнату, хихикая.

Ольга из туалета: «Слава, убью... перестань носиться».

Выходит хрупкая Илона и, глядя на меня, вопрошающе кивает на закрытую дверцу туалета. «Там Ольга», – говорю я Илоне. Илона, смущенно комкая кусочек туалетной бумаги в руках, облакачивается на свой кухонный пенал и терпеливо ждет.

Я: «А вот я читал, что по нормам, если в коммунальной квартире больше 4–5 комнат, то должно быть два санузла».

Илона закатила глаза, представляя второй санузел.

Снова вбежал пулей сын Ольги Слава, снова включил кран с водой и хохоча убежал в комнату.

Ввалился заспанный Артемий и сразу на автомате схватил ручку туалета. «Там занято», – говорю я. «Олька, ты, что ли, там?» – проворчал Артемий. «Ну я, – процедила Ольга, – что ж вы все там взбеленились, что ли? Спокойно сходить в туалет не дадут».

Илона попыталась обозначить свое присутствие Артемию, пошевелив туалетной бумажкой в руках.

Я: «А вот я читал, что по нормам, если в коммунальной квартире больше 4–5 комнат, то должно быть два санузла».

Артемий хмыкнул: «По нормам много чего должно быть», сел на табурет и закурил.

На кухню вплыла сибирячка Оксана: «Ох, когда же уже эти праздники-то кончатся. Скоро одну перловку жрать будем. Это что вы все в очередь в туалет, что ли?»

Я: «Кроме меня».

Оксана: «Ну слава богу, минус один. А кто там вообще?»

Артемий: «Олька там засела».

Оксана: «Ольгаа, так она там и уснуть может... ха-ха».

Я: «А вот я читал, что по нормам, если в коммунальной квартире больше 4–5 комнат, то должно быть два санузла».

Оксана: «Ха... нам еще повезло, что ванная не на кухне, а отдельно, и вообще то, что она есть, а не кабинка душевая».

В это время дверь туалета наконец открылась и оттуда с достоинством вышла Ольга, и, покрутив у виска в сторону Артемия и Оксаны, удалилась в комнату.

Илона испуганной ланью прошмыгнула в заветную кабинку.

На кухню пыхтя ввалился муж Оксаны Вадим и, глядя на всех присутствующих, съязвил: «У вас тут что, кухонные посиделки полуночников?»

Я хотел еще раз сказать про то, что по нормам в коммунальной квартире больше 4–5 комнат должно быть два санузла, но, заметив краем глаза выражение лиц туалетных ожидантов, решил не накалять донельзя нервозную обстановку и ретировался.

11 января. Вепрева пишет:

Сегодня было тихо. Изредка на кухне кто-нибудь грустно курил и молчал. Вечером все сидели по комнатам и не выходили. Я помыла плитку.

13 января. Вепрева пишет:

Возвращаюсь, значит, я сейчас из магазина, открываю дверь в свою расчудесную коммуналочку, а на меня оттуда пьяный человек выпадает. Смотрит на меня с пола благоговейно и выдавливая: «Приветик». «Приветик», – раздраженно говорю я и перешагиваю.

Иду дальше. Свет везде предусмотрительно включен, хотя обыкновенно тьма крошечная, в которой нечаянно можно пощупать других соседей, частенько левитирующих в ночи, словно бы темнота отменяет чудовищные скрипы деревянных перекрытий без капремонта с момента их создания. Слышу, как за стенами комнат идет тихое торжество. Скромные хохотушечки, сдавленные грохоты, милое такое веселье, которое вроде бы и веселье, но стремящееся себя отконтролировать и приручить. Только начинаю открывать дверь своей комнаты, как из соседней выпадает еще один пьяный, тоже начинает барахтаться и всем своим видом словно бы извиняется за свою плохую подконтрольность.

Запираюсь.

15 января. Осминкин пишет:

В одну из комнат после новогодних праздников вернулись из Донецкой области съемщики: переехавшая в Питер еще до начала событий Майдана и АТО семья из Донецка, Вера и ее муж Валера. Крупная короткостриженная брюнетка Вера с характерным восточнукраинским акцентом в первой половине дня курит каждые полчаса:

– Что это вы унитаза расшатали совсем?

– Это не мы, это Витек с него падал по ночам, засыпая.

А узнав про историю с украденной уткой, разохалась и запричитала, что неужели так можно взять и съесть чужую утку, а узнав про белую горячку у съевшего утку Вити, затянулась так, что слышался скрип ее легких, поджала губы и стала молча смотреть в окно на падающий снег.

Муж Веры Валера, поджарый, рукастый мужичок лет сорока, тут же подложил под унитаз брусок, и теперь унитаз не кренится на правый борт при каждом его использовании.

Из ванной раздаются позывные «Дорожного радио». Я, чтобы разрядить обстановку после разговора про белую горячку, пытаюсь пошутить: «Кто-то в ванной под музыку моется?»

Вера: «Это мой муж Валера бреется с транзистором. Он всегда бреется с радио, привычка с армии. Так веселее, говорит, щетину скрести».

На кухню входит Зинаида Геннадиевна и усаживается на именной табурет у окна, автоматически подкуривая утреннюю сигарету натошак. Двоих курящих мое обоняние уже не выдерживает, и я быстро ретируюсь.

Завтра попробую деликатно узнать у Веры и Валеры об обстановке на востоке Украины.

16 января. Вепрева пишет:

На кухне стоит несколько стиральных машин, но одна из них – самая лютая. Перекрытия у нас деревянные, капитального ремонта ни разу не было, и все ходит ходуном от обычных шагов. А когда стирает эта машина, кажется, что сейчас кухня схлопнется в одну точку. Вибрации проникают внутрь, кровь закипает и сворачивается, когда ты стоишь и трешь морковь у своей стойки. Эта машина должна играть в грайндкор-группе и отправлять всех слушателей в ад напрямую. Но хозяйева очень любят свое маленькое чудовище. Кормят регулярно и поглаживают. А когда машина, в очередной раз захлебываясь и лютуя, заводится в своей агрессии и ненависти ко всему миру, угрожая выплюнуть вертящийся раскаленный барабан наружу, из комнаты выбегает Зинаида Геннадиевна и бросается на стиральные амбразуры, покрывая своим телом это чудовище и нежно прижимаясь к нему щекой. Так они и вибрируют вместе до конца.

18 января. Вепрева пишет:

Зинаида Геннадиевна ловит меня в коридоре:

– Давайте договоримся, что в следующий раз, сдавая дежурство, вы будете заодно и трубы средством заливать. А то никто этим не занимается, только я одна.

«Хорошо», – отвечаю.

Потом слышу, как она же говорит Вере:

– Представляете, никто, вообще никто не чистит трубы, одна только я этим занимаюсь.

Та отвечает: «Какой кошмар».

Что же это – индивидуальный подход или исключение? Или уровень общения? – со мной по делу, с остальными о душе. А вообще, так и с ума можно сойти, когда все разговоры в коммуналке только о том, какие все грязные и загрязняющие. Вот тебе и бытовая ксенофобия.

19 января. Вепрева пишет:

На днях Оксана хвастается, что они с Вадимом на Крещение идут в прорубь нырять, и спрашивает Валеру, будет ли он на Крещение в проруби купаться. Валера вздыхает: «Один раз окупнулся уже, с воспалением слег, в этот раз «груз 200» получать будете».

Пауза. Понимающие взгляды.

20 января. Вепрева пишет:

Уже дней пять, как кто-то украл туалетный ершик. В туалете стали находиться дольше, однако никто не подает виду, не признается и не приносит новый прибор.

А сам унитаз, который ранее был накренен влево после того, как Валера подпер его правую сторону деревянным бруском, отныне стал угрожающе качаться в обе стороны, окончательно лишая пользователей остатков спокойствия и безопасности, под навязчивые покашливания ожидающих с другой стороны.

22 января. Осминкин пишет:

Сегодня должны были прийти фотографы из The Village, Виктор и его жена Ирина, чтобы снимать нашу коммуналку и нас на ее фоне. Настя попросила их взять с собой сменные тапки, чтобы быстро переодеться и прошмыгнуть в комнату, пока Зинаида Геннадиевна и другие жильцы не почуяли неладное. Но соседи как назло все повывлезали из своих комнат и позаканчивали свои смены. Даже запойный Витек решил намыть недельную горку своей грязной посуды. По кухне скачет стиральная машина. Над нашим пеналом огромная протечка с кровли. Зинаида Геннадиевна вернулась со смены. Оделась в розовую пушистую пижаму, наделала бигудей. Бегает по кухне, обзывает всех свиньями.

Зинаида Г. закуривает и тараторит Вере на жалобы последней о том, что у ее мужа Валеры прихватило почки:

– А все почему? Потому что каждый год надо обследоваться. Компьютерную томографию делать, рентген, анализы сдавать, то да се (*глубоко затагивается*). А то вот поступила к нам одна пациентка, ишь ты поехала на горных лыжах кататься, а самой писать больно уже полгода как, и что ты думаешь – оказалось смещение позвонков, и нейрохирург ее на стол сразу срочно положил. Вот тебе и почки. Обследоваться надо, а то писать больно полгода, а она на горных лыжах кататься поехала, дура.

Вера только нервно кивала и поддакивала в ответ.

Вепрева пишет:

Осминкин упустил, что, когда гости заходили в темноту под грохот стиральной машины, он пугливо выбегал из туалета в дырявых колготках. Позировал он, кстати, тоже в них.

25 января. Вепрева пишет:

Сегодня утром пятно на кухне решило окончательно лопнуть и превратиться в настоящую протечку, чтобы методично поливать нашу тумбу, розетку и стиральную машину. Мы изолировали все полиэтиленом и поставили кастрюльку. Надо было звонить в аварийку, но я застеснялась, поэтому Рома позвонил сам, лишь проворчав: «У тебя что, проблемы с коммуникацией?» На той стороне ответили, что у них много дел и нам перезвонят. Через два часа я обнаружила, что один ручеек превратился в четыре, и стала звонить сама, уверяя, что у нас тут практически полный пиздец. Женщина там поохала, спросила, где именно течет, поохала снова и сказала, что надо звонить начальникам. Пообещала перезвонить и положила трубку, а телефон мой не спросила.

Итак, каждый час я опорожняла кастрюльку с грустным видом под озабоченные взгляды соседей. Вера курила и говорила: «Да они там все на лапу хотят в этих жэках, а работать не хотят». Оксана и Ольга подтвердили, сказали, что надо сразу звонить в 004, они и приедут быстрее, и аварийке местной еще надают. А то, мол, место это из гипсокартона, еще как провалится, однажды там балки какие-то провалились, в общем, ад и палестина, всегда в этом месте все лилось.

Позвонила я в 004 часов в шесть, там мне мгновенно ответили, заявку приняли, по срокам ничего не обещали, сказали ждите. Вот и жду, пока ничего не изменилось.

26 января. Вепрева пишет:

В туалете появился ершик. После того как унитаз был окончательно засран. Осминкин хотел купить ершик первым, чтобы пристыдить соседей, но не успел.

Текущая стена к утру превратилась в ниагарский водопад. Мужики пошли исследовать чердак и обнаружили там прогнившую, текущую, но официально капитально отремонтированную кровлю. После пятисотого звонка аварийка зашевелилась и прислала мастерку, которая все сфотографировала, составила акт и пошла за снегоуборочными альпинистами.

Вскоре в дворовом колодце поднялся мат-перемат: «Кидай!», «Не кидай!» Постепенно перестало капать. В колодце кричали: «Ты че дурак все чистить?», им отвечали: «А че, не надо все чистить?», и им отвечали: «Нет, блять, только с краю, блять, чистить».

И снова повалил снег.

27 января. *Осминкин пишет:*

Сегодня поэт Роман Сергеевич Осминкин материализовал «единство и тесноту стихового ряда» Тынянова на внелитературном, бытовом материале под названием «Протечка». Осминкин отработал ночную смену (смену ведер и кастрюль буквальным образом), повинувшись главному конструктивному фактору тыняновской теории стиха – ритму. Но Осминкин не только повиновался внутреннему ритму падающей с потолка капли, но согласовал ритмические группы капли с синтактико-семантическими группами подставляемой под них тары. Для этого Осминкин прибегнул к нехитрой математической операции вычисления времени наполнения тары посредством умножения частоты падения капли на единицу времени. Получилось, что самое активно наполняющееся ведро оказывается полностью оформленным капельным рядом и, следовательно, обретшим тесноту, чреватую семантическим взрывом, спустя 1 час и 27 минут.

Поэтому Осминкин дождался полного наполнения тары (предельного соответствия формы своей функции), который наступил в 4.27 утра 27 января, опорожнил всю тару (обнул прием) и тут же лег спать, предварительно заведя будильник на 5.57 утра. В вышеозначенное время Осминкин по первому звонку будильника поднялся и быстро проследовал на кухню, где, к его удовлетворению, тара оказалась на нужном критическом пределе своей наполненности (форма почти полностью выражала функцию). Осминкин, пребывая в состоянии полусна, автоматически опорожнил всю тару, подтер пол вокруг и тут же проследовал обратно в постель, заведя будильник на 7.33 утра (частота смены тары каждые 1 час 27 минут). В отличие от внутритекстовой конструкции, enjambement, являющийся несовпадением ритмических групп с синтактико-семантическими, в данном случае был недопустим.

В 7.33 утра данная операция опорожнения повторилась почти без изменений, с той лишь разницей, что Осминкин заметил, что тара была заполнена на треть меньше, то есть внутренний ритм капли замедлился и теснота стихового ряда обладала еще небольшим люфтом для обретения своего единства. То есть функция была недовыражена и потенциал формы не исчерпан. Но Осминкин решил учесть это замедление внутреннего ритма при следующей компоновке крупной формы и завел будильник с учетом ее растяжения (здесь Осминкин допустил небольшую вольность и математическому расчету предпочел свой глазомер, сочтя это допустимым интуитивным смещением строго-рационализированной операции формообразования).

Итак, последний элемент ночной смены – свой триптих, Осминкин завершил в 9.47 утра 27 января, когда окончательно проснулся и прибегнул к замене тары.

Таким образом ритмические группы капли, вступая в диалектическое взаимодействие с синтактико-семантическими группами тары, обусловили постоянную динамику произведения «Протечка», заключающуюся не только в постоянном освежении конструктивного принципа смены тары (метра), но и в деформации фактора внелитературного ряда – деформации жизненного цикла посредством его насильственной ритмизации и прерывания. То есть Осминкин достиг-таки наконец чаемого архаического принципа партиципации – когда ритмическая форма влияет не только на словесное содержание произведения, но и на повседневный жизненный уклад. (Там, где ритм танца подчинен ритму утапывания зерна в поле, а все вместе они подчинены большому аграрному ритму смены времен года и сбора урожая – сродни тому как Осминкин ритмизовал отрезки своей жизни между сном и бодрствованием согласно ритму капли.)

Остается только добавить, что произведение «Протечка» в своем динамическом единстве было подчинено своей прагматике «недопущения потопа» (ср. как в архаических обществах ритуалы призваны были отсрочить приход Сына Погибели).

28 января. *Вепрева пишет:*

Вчера нам заботливо, через записочку, сообщили о наступлении нашего двухнедельного дежурства. Вступили. Опасливо оглядываясь на подтечное пятно и внимательно прислушиваясь, за час я отмыла жирную и засохшую плиту, а также раковину.

29 января. Журнал The Village опубликовал материал о нашем опыте жизни в коммуналке на Петроградской стороне.

29 января. *Вепрева пишет:*

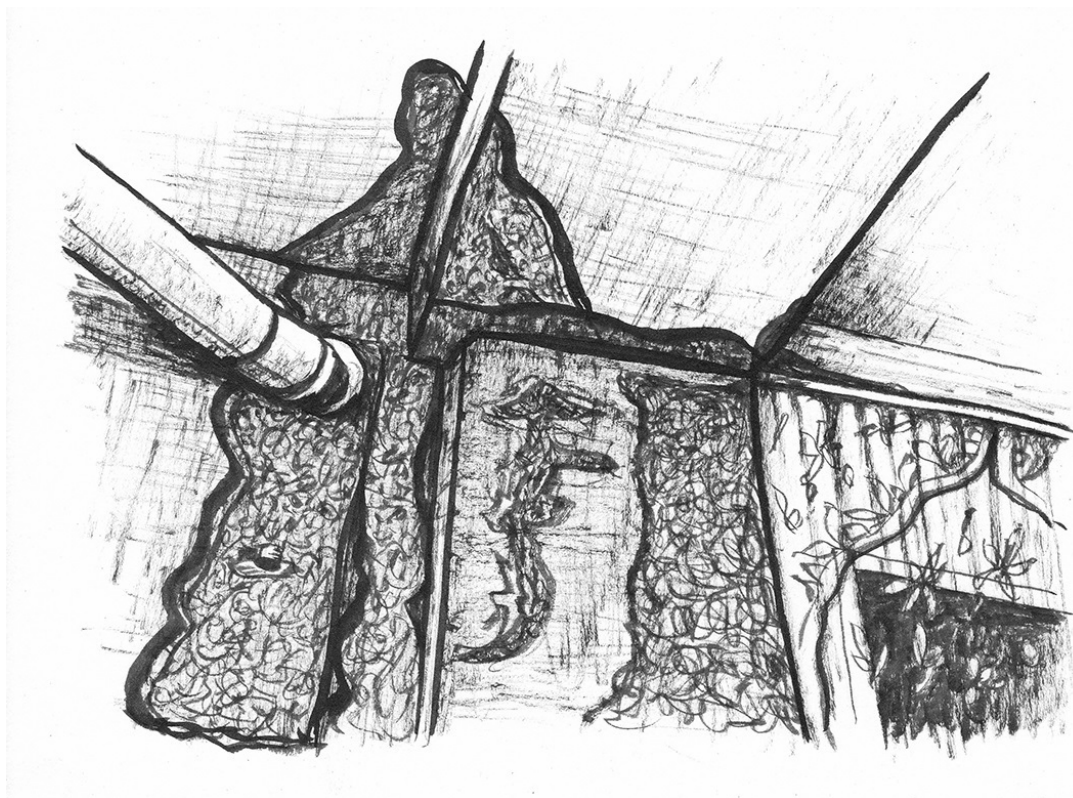
Эстетизировала нашу недавнюю протечку. Как отметили знакомые, все «как у Тарковского».

30 января. *Осминкин пишет:*

После публикации в The Village за сутки на наш паблик «Коммуналка на Петроградской» подписались сто с лишним человек.

Такова неумолимая логика снежного кома дистрибуции медиаобразов. Но расширение адресной базы влечет за собой ее размывание во всех социокультурных смыслах. Аудитория в определенной степени становится непредсказуемой, непредзаданной и анонимной. На пишущего для такой аудитории налагается не только пресловутая ответственность за слово, но и требование, задаваемое самой публичностью речи, – быть как можно более убедительным для как можно большего числа читателей. Но форма дневника, каковая была избрана для вышеуказанного паблика «Коммуналка», своим исповедальным, почти интимным нарративом всячески противоречит этому требованию наращивания публичности. Аналоговые дневники, писавшиеся в стол и публикуемые после смерти своих владельцев или по крайней мере в качестве предсмертных мемуаров, тоже предполагали своего читателя, но это был один-единственный трансцендентальный читатель – идеальный читатель – зеркальное отражение субъекта письма. Дневник, подключенный к средствам массовой коммуникации, – это априори расщепленный дневник, заимствующий интимную исповедальную интонацию у своего аналогового прототипа, но выворачивающий ее вовне публичного пространства как шкурку тюленя. И вот вопрос, не моральный, а сугубо телеологический, функциональный: стоит ли дневниковое письмо жизни тюленя, чтобы его можно было так легко вывернуть наизнанку и предать публичному чтению, чреватому непредсказуемым и бесконечным центробегом интерпретаций и искажений? Выходом из этой ситуации могла бы быть игра в дневниковое письмо – заимствование голой формы с холодной головой престижизитатора. Но есть риск вместе с изъятой формой похерить и саму основу дневника – прямое свидетельство, принадлежащее ведомству искренности, то бишь выдать свою метапозиционную сфабрикованность взамен прямого вещания изнутри экзистенциального опыта. Но если на карту ставится работа над истиной, то бишь пишущий дает себе установку публичной речи не просто как успешной/неуспешной, а как истинностной процедуры, процедуры производства истины самого письма, которое не может быть высказано и выказано иначе как через дневниковую форму, как интериоризированный в себя конструктивный принцип. Такое письмо перерастает рамки квазидневникового репортажа из глубины души и само задает себе правила и проверяет пределы возможностей дневника как способа говорить вообще, пределы дневниковой интимности, искренности, прямой речи. Лучший дневник – это дневник о дневнике – дневник самонаблюдения за своим жела-

нием вести дневник, то бишь дневник, скрупулезно регистрирующий акты письма как ситуации несовпадения своей речи с окружающим миром слов и вещей.

30 января. *Осминкин пишет:*

Предыдущая квазитеоретическая телега на самом деле понадобилась мне лишь с одной только целью написать вот этот пост:

Сегодня утром наши с Настей будильники вошли в унисон – мой наигрывал бодрящую мелодию, а Настин синхронно озвучивал голос женщины-робота, рефреном возвещавший о том, что сейчас «девять часов ровно». Я проснулся и кувырком, как я обычно это делаю, скатился с матраса и вскочил на подоконник в одном исподнем. Я глубоко вдохнул свежий предштормовой питерский воздух и начал изображать девушку с улицы красных фонарей Амстердама, танцующую в окне. Сегодня суббота и у работниц паспортного стола в доме напротив выходной, а то бы они смогли наблюдать за голыми ногами тридцатисемилетнего мужчины, форма которых была отточена в своих мускульных изгибах многолетними ежедневными хождениями пешком как минимум по 10 км в день. Я расправил плечи, слился с окном, повелевая раскачивающимися от ветра проводами и протеичными облаками. Солнце показалось со стороны Невы, озаряя лицо Насти. Ее веки вздрогнули, Настя проснулась. «Доброе утро, Настя», – сказал я. «Доброе утро, Рома», – сказала Настя. Мы налили по стакану воды, чокнулись друг с другом. Воду натошак мы пьем каждое утро. Мы улыбнулись друг другу так нежно и приторно, как улыбаются только голливудские звезды на красной ковровой дорожке перед вспышками телекамер. Это такой вид улыбки, который своей гипертрофированной нарочитой искусственностью, отрицающей всякую рефлекторную мускульную естественность, становится в какой-то момент более естественным, чем сама жизнь. Мы с Настей идеальные актеры Дени Дидро, живающиеся в роль, но оставляющие холодной свою голову.

Настя проснулась с искринкой в глазах. Судя по всему, период адаптации к ее новому курсу антидепрессантов подошел к концу. Мы обнялись и застыли на мгновение. Я полуплутя прижал Настю к себе чуть сильнее, и она тоже полуплутя пискнула, как куколка. Силь-

нее прижимать Настю я не стал. Настя начала делать йога-зарядку на матрасе, а я включил умницу Александра Маркова, одну из его многочисленных лекций из курса по «Философии искусства», где Александр вещал об этимологии древнегреческих понятий мимесис, диалог, *deus ex machina* и др. Так вот мимесис не имеет ничего общего с подражанием кому-то или чему-то, а являлся для греков синонимом изображения – то есть нельзя подражать природе, вещи, человеческому действию, но можно буквально изображать то или иное природное явление, вещь или действие. Диалог в древнегреческом не имел никакого отношения к разговору между двумя участниками, и все поздние триалогии и полилогии – это ошибочные конструкты. Приставка «диа» означала на греческом «говорение через», то есть попросту процесс общения одних с другими; *deus ex machina* – это латинское переложение греческого принципа божественного вмешательства в ход трагедии, а попросту кран, или специальная театральная машина («эорема»), доставлявшая актера, изображавшего бога, на сцену (так как боги в Др. Греции обладают бесшумной походкой и, следовательно, не топают).

После зарядки Настя пошла нарезать апельсин и яблоко, чтобы потом смешать его с ряженкой и орешками – это наш стандартный зачин завтрака. В это время я быстро сделал свой комплекс йога-упражнений и оделся. Я пришел к Насте на кухню – сегодня на кухне на удивление было пусто, и мы даже станцевали с Настей небольшой менуэт, который выглядел весьма неуклюже, отчасти по моей вине, но сам факт танцев на коммунальной кухне искупал его неуклюжесть. Потом мы взяли свои тарелки и включили последний выпуск новостей на канале Euronews, по которому показывали много репортажей про беженцев и войну на Ближнем Востоке. Мы сочувствовали беженцам и негодовали по поводу войны на Ближнем Востоке. Репортаж про беспрецедентную засуху в Эфиопии и возникший в этой стране продовольственный кризис сподвигнул нас застыть с ложкой у рта, но, слава богу, ненадолго, так как жизнь продолжается и мы еще же молоды. Чем мы можем помочь несчастным эфиопским детям? Приютить одного из них в своей пятнадцатиметровой комнате? Надо подумать...

Потом я пошел на кухню и быстро отточенной технологией сделал наше второе блюдо – омлет от Романа Сергеевича Осминкина. Ах, что это был за омлет. Ни одна буква не может передать его запах и уж тем более вкус, поэтому я лишь скажу, что Настя его очень любит и омлет вошел в наш ежедневный рацион. После омлета было кофе с украинской конфеткой, привезенной моей мамой с поминок бабушки Левко из села Слобода Шоломковская Овручского района Житомирской области.

Потом я быстро оделся, поцеловал Настю и побежал работать в библиотеку Маяковского, из которой сейчас и пишу вам этот текст. Настя все-таки художник и ей нужно больше пространства и естественного света, поэтому я оставляю ей комнату на день, а сам как поэт вполне удовлетворяюсь нейтральным библиотечным пространством, не отвлекающим по мелочам от написания важной статьи в журнал НЛО: ответа Марку Липовецкому на его статью обо мне как воплощении перформативной поэзии в сети Фэйсбук. Фэйсбучность по Марку Липовецкому привела к завершению конструктивный принцип (Тынянов) эволюции литературных форм, так как соединила акт письма с актом массовой коммуникации.

И снова 30 января. Вепрева пишет:

Два раза подряд выбило пробки. Я готовила на кухне лапшу, и там меня подхватила Оксана. Сказала: «Пойдемте со мной, а то одной страшно». Я покорно последовала за ней на черную лестницу, где обнаружился щиток среди разводов и плесневелых подтеков. Мы обе были слишком низкие, чтобы достать до него рукой, поэтому я принесла ей табуретку, на которую она залезла и робко потянулась к щитку. Сказала: «Если меня убьет, скажете, что погибла во благо народа». Боязливо подняла тумблер. Стали слышны вопли ее сына, который радостно кричал: «Мама, мама, свет появился!» Сибирячка Оксана слезла и сурово произнесла: «Вот так, я и баба, и мужик». Я унесла табуретку.

31 января. *Вепрева пишет:*

Мы опять облажались с уборкой. Только я хотела развернуть поломойные войска, в бой вступила Зинаида Геннадиевна, коварно все за нас помыв с неимоверно возмущенным лицом. По словам соседей, «было слишком грязно, и она не вытерпела». «Окей», – подумала я и решила затеять уборку внутри комнаты. Три часа я пыхтела, выметая из щелей грязь, переставляя вечно падающий матрас, протирая подсвечники и намывая половицы, параллельно стирая постельное белье, веревка под которым тяжести не выдержала и выдрала свой гвоздь-основание из стены, обрушившись, благо, на чистый пол.

Окончательно заебавшись, я вытерла остатки пыли со своего лица и решила больше ничего не делать.

Февраль

5 февраля. *Осминкин пишет:*

Коммунальная кухня иногда выполняет функции рабочей курилки. Утром на ней курят те из жильцов, у кого сегодня нету смены.

Вера курит, глубоко втягивая скулы и глядя в пол. Входит Зинаида Геннадиевна.

– Ой Вера, я думала, ты сегодня на смене...

(Вера работает горничной в одном из отелей Петербурга.)

– Нет, у меня три через два график, так как я на временном контракте. Скоро зубы на полку положим. С нового года ничего не платили, а девочкам, которые без выходных второй месяц работают, выдали по 15 тыс.

– Ой, не говори. Нам голый оклад начислили. Вот за январь и ни копейки больше. Как хочешь, так живи. Новый год – все деньги проедены. А муж чего это у тебя тоже дома?

– Валера тоже неделю без работы сидит. У их поставщиков забастовка, и начальство решило по домам распустить на время забастовки, чтобы не платить за простой. Вот так вот мается Валера мой. Руки некуда приложить.

Зинаида Геннадиевна наспех делает последние несколько затяжек и выносит вердикт: «Кризис, милая, чего же ты хотела, бог терпел и нам велел. Бывали и похуже времена».

Вера остается понуро сидеть, глядя в пол. Потом вдруг спохватывается и подбегает к плите, чтобы засыпать в кипящую воду макароны-рожки для себя и мужа Валеры.

6 февраля. *Осминкин пишет:*

Утро субботы. Вид из окна нечаянно совпал с этим абзацем из читаемой натошак книги Фуко «Слова и Вещи»: «Однако отношение языка к живописи является бесконечным отношением. Дело не в несовершенстве речи и не в той недостаточности ее перед лицом видимого, которое она напрасно пыталась бы восполнить. Они несводимы друг к другу: сколько бы ни называли видимое, оно никогда не уместится в названном; и сколько бы ни показывали посредством образов, метафор, сравнений то, что высказывается, место, где расцветают эти фигуры, является не пространством, открытым для глаз, а тем пространством, которое определяют синтаксические последовательности».

6 февраля. *Вепрева пишет:*

Выйдя на кухню с утра, чтобы приготовить завтрак, я пришла в ужас, так как весь пол был усеян пыльными перекасти-полями. Еще вчера днем этого не было! Я испугалась, ибо подумала, что сейчас кто-нибудь выбежит с тряпкой и криками «как же грязно!» и начнет убираться вместо меня, и мне потом уже четыре недели подряд придется прибираться. Я решила форсировать ситуацию и, стремительно бросив завтрак, схватила веник. Веник, к слову, был совершенно идиотский – маленький прямоугольный кусок щетины на длинной палке. В этот момент вернулся Витек, кажется, совершенно пьяный, и упал в своей комнате спать, даже не закрыв дверь. В коридоре стало светло. Я закончила экстренную уборку, твердо решив сделать парадный отмыв сегодня вечером, а не завтра, благо Зинаида наша Геннадиевна отбыла на смену. Однако я не продержалась и полутора часов. Мифическая Угроза с Тряпкой лезла во все мои дела, желая украсть мое дежурство, поэтому я психанула и начала уборку. Я мыла пол на кухне, в санузлах, а сами санузлы заливала белизной. Витек проснулся, сбегал в туалет, и пришлось после него опять перемывать. За этим делом меня застала Оксана, хихикнув, что мамино отсутствие отличный повод сделать уборку на опережение без претензий и надзора. Я торжественно закончила и оставила пол в коридоре на сладкое Роману. Уверена, что он будет рад приобщиться.

Было тихо. За дверьми смотрели телевизоры, Витек храпел, а из комнаты Никиты доносились звуки тату-машинки.

6 февраля. *Вепрева пишет:*

В коридоре грохот.

«Да ёб твою мать!» – кричит Ольга на своего сына.

16 февраля. *Вепрева пишет:*

Последние дни прошли в каком-то хаосе, поэтому воспоминания сумбурные. У соседей обнаружился маленький котик, который все время норовил выскочить в приоткрытую дверь и обследовать пространство коммуналки. В один из дней Рома обнаружил его и, словив, бережно отправил в исходную комнату. Шнур душа стал протекать, но был починен Вадимом за пятьдесят рублей с каждой комнаты (350 р.). Бонусом привинтили держатель, а значит, теперь можно мыться сразу двумя руками. Кажется, с концами сломался газовый нагреватель, его развинтили, и вот уже второй день все моются дьявольски ледяной водой. По-прежнему приготовление еды (даже пятиминутное) совмещается с насильственным выкуриванием 1–3 сигарет. Еще пришли квитанции за коммуналку, с которых мы просто охуели, так как стоимость отопления выросла в два раза в сравнении с январем. А еще солнце стало выходить чаще.

18 февраля. *Вепрева пишет:*

Наконец-то отдала соседу Вадиму пятьдесят рублей за починку душа, караулила его два дня. Позавчера он отказался давать сдачу, и сегодня, когда я наконец-то разменяла деньги, мне уже не терпелось ему их отдать. Я выскакивала на кухню с деньгами в руке, услышав любой шорох. В итоге мне удалось подкараулить его в туалете, где он проводил время, тяжело дыша. Я имитировала приготовление завтрака, периодически прислушиваясь, как он там, скоро ли. Он вышел, такой большой и грузный человек в одних шортах, но я держала себя в руках и

подождала, пока он помоеет руки, и только потом побежала прямо на него с полтинником в руке, хотя мне на самом деле достаточно неловко и страшновато от того, что он меня больше в три раза. Он сказал мне «привет», взял двумя большими мокрыми пальцами долгожданную бумажку и ушел в комнату. Я с облегчением выдохнула.

Потом я еще плиту мыла, выколупывая жир из ручек зубочисткой.

19 февраля. *Вепрева пишет:*

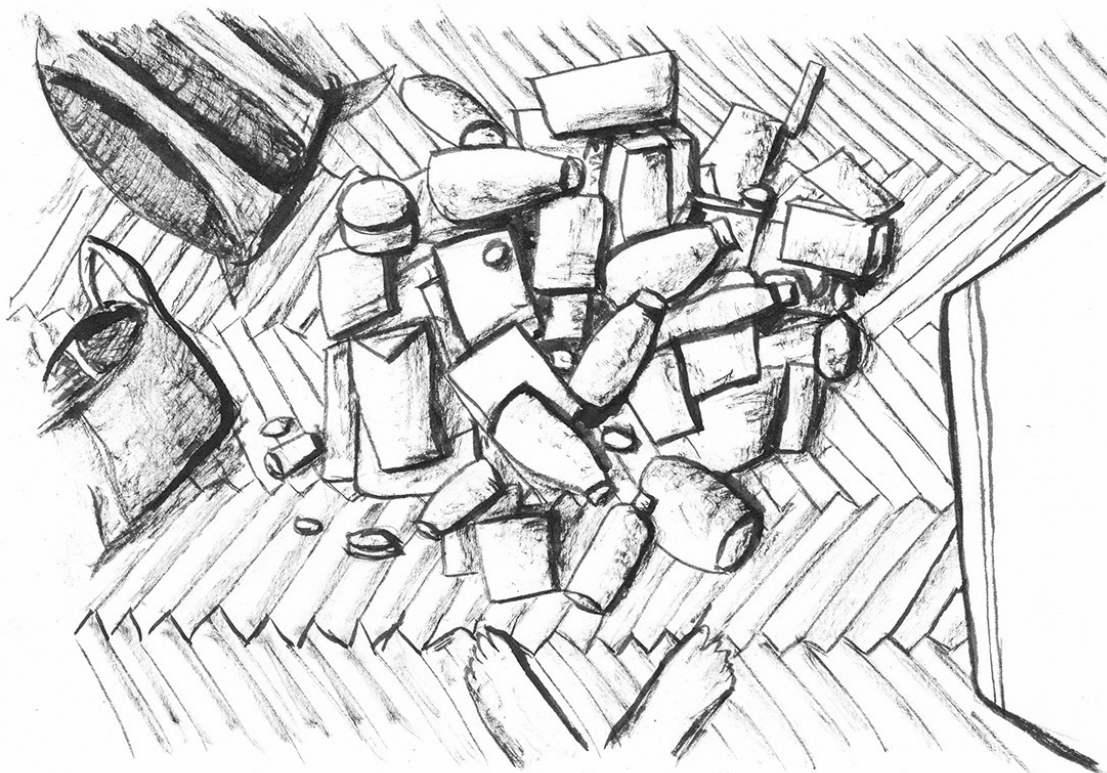
Я пошла на кухню пожарить сухарики-гренки с чесночком. За моей спиной прошла хмурая Ольга и стала зловеще нагачивать нож. Выскочила Оксана и бодро спросила, нет ли у меня, случайно, топорика. Я на мгновение зависла, обрабатывая запрос, но она уточнила, что он ей нужен для мяса, и для наглядности продемонстрировала пару бойких радостных ударов. Ольга продолжала точить нож. Топорика у меня не было.

Я натерла хлеб чесноком и порезала его, закинула на сковородку и начала жарить, отметив краем глаза гигантский кусок свежего красного мяса на их столе. Тут вышел большой Вадим, опять в одних только шортах, взял сковородку, забитую сочащимся мясом, и поставил на соседнюю плиту.

Так и стояли мы рядом, он нажаривал мясо, а я, скукожившись, ржаной хлебушек.

20 февраля. *Осминкин пишет:*

Пабабам! Это свершилось – только что с Анастасией наконец-то сдали все пластиковые и бумажные бутылки из-под кефира и ряженки, которые собирали три месяца в ожидании открытия экопункта по приему использованной тары на 2-й линии Васильевского острова в магазине «Семья-24». В подтверждение этому мы тут же сфотографировали квитанцию на 17 руб. 50 копеек, которую нам выдали за сданную тару! Не обошлось без казусов: при сминании бутылок наша комната было наполнилась запахами такой кислотности, что пришлось нараспашку раскрыть наше большое окно и двери. Комната стала похожа на цех по производству молочнокислых продуктов – вот что значит если не все бутылочки мыть сразу же после использования и хранить длительное время в закрытом виде. Но теперь мы учтем прежние ошибки, и к тому же пункт приема работает каждую субботу и до него всего двадцать пять минут пешком через Тучков мост. Но плюсы этого хлопотного дела очевидны: в мире стало меньше мусора, совесть стала немножко чище, а капитализм немножко менее дикий. Революция начинается с помывтой баночки из-под йогурта. Делай вместе с нами! Делай как мы! Делай лучше нас!

23 февраля. Осминкин пишет:

Кухня с утра оккупирована женской половиной, но Настя рано утром ушла на защиту родины и я, позабыв о должной маскулинности, жарю манные блинчики с какао.

Оксана в бигудях нетерпеливо смотрит на часы и на остывающую еду.

Валера заходит на кухню и косноязычно подначивает Оксану: «Ну чё, где мужик-то твой, ишь наготовила, а он не идет гхм ... неблагодарный, хе-хе, загулял».

Оксана с апломбом: «Мой Вадимка деньги зарабатывает, мне на стрижку».

Валера: «Что ж за стрижка такая... 70 тыщ, что ли, стоит?»

Оксана: «Да, 70 тысяч плюс трусики».

В это время дверь в квартиру раскрывается и вваливается, пыхтя, дальнобойщик Вадим.

Вадим: «Ну и чего вы тут толпитесь-то у входа?»

Оксана: «Ой Вадимка, а мы же тебя заждались, все остывает, ты же голодный, кто тебя там покормит».

Валера с издевкой: «А чего без подарков-то, Вадим, а, гхм.. гэгэ?»

Вадим: «Почему без подарков, вон внизу полная фура подарков, иди посмотри».

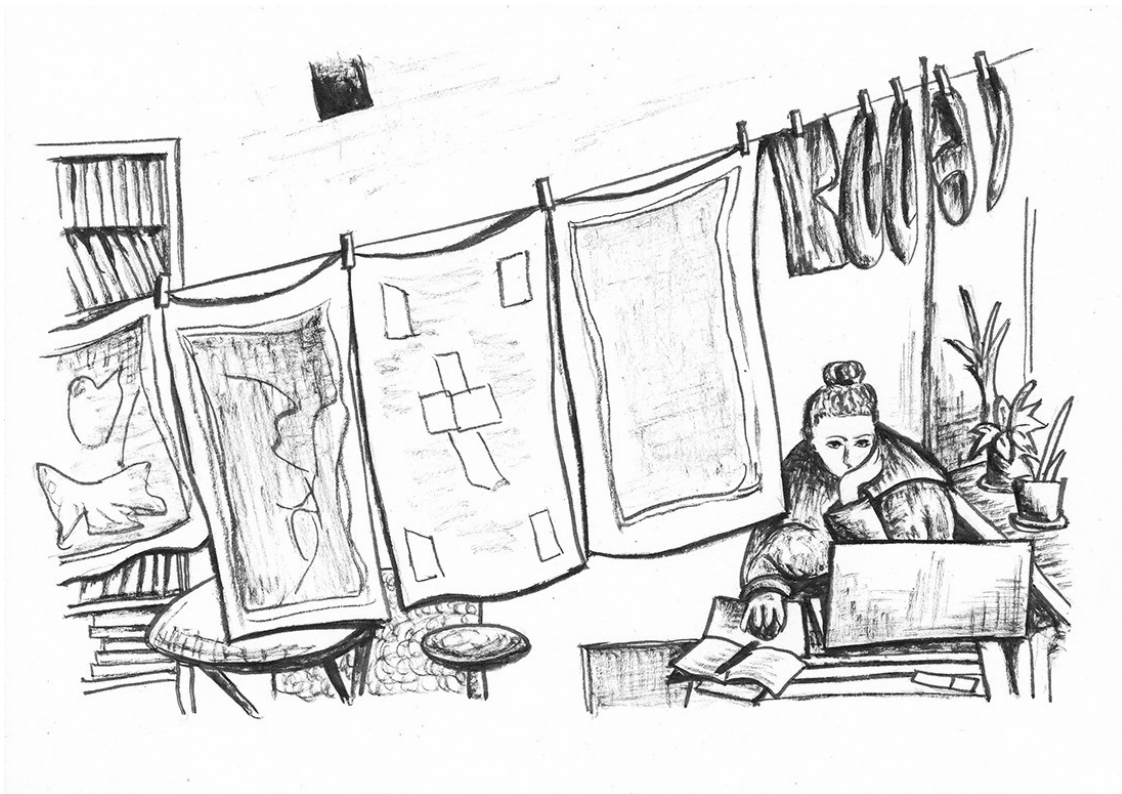
25 февраля. Вепрева пишет:

Помимо навязчивого желания постоянно мыть плиту, обратила свое внимание еще и на ванну. Похоже на вариант адаптации.

28 февраля. Осминкин пишет:

Возвращаешься ты с лекции по эстетике, которую читал для «Школы ангажированного искусства» в ДК Розы Люксембург, а в родной коммунальной комнате прямо посреди рабочих будней Насти Вепревой расцвело свое искусство— цветастые полотенца с банальными изображениями девочек, цветочных вазочек и фруктиков, вперемешку с реди-мейдами трусиков, будто бы иллюстрирующие тезисы французского философа Жака Рансьера о том, что сегодня

мы определяем, что является искусством, а что – нет, не в зависимости от техники и объекта изображения, а от принадлежности к определенному способу чувствования.

Март

2 марта. *Вепрева пишет:*

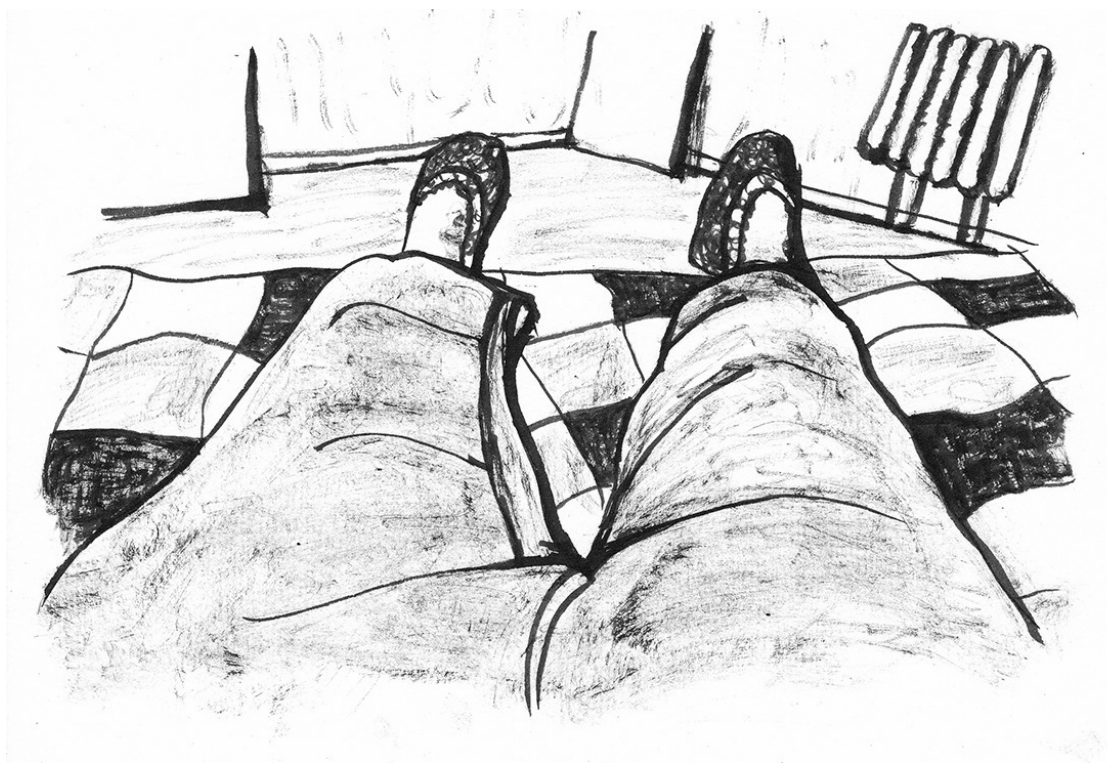
Выходит Оксана на кухню, открывает Оксана дверцу, а оттуда вся посуда вываливается и на пол падает, вдребезги.

«Да еб твою мать!» – восклицает Оксана среди кусочков вазочек и блюдец.

Затем добавляет парадоксальное: «Берут, блять, мясорубку, а на место не возвращают!» – и идет ругаться в соседнюю комнату.

4 марта. *Вепрева пишет:*

Вчера скакало электричество. Я валялась с соплями на матрасе и пыталась смотреть образовательную передачу, как вдруг вылетели пробки и квартира погрузилась во тьму. Через секунду пооткрывались двери всех комнат и куча ног затопали по коридору. Свет включился на долю секунды и снова потух. Я поняла, что мне бессмысленно даже вставать, обложилась платками и тяжело вздохнула. Через пару минут свет включили. Все облегченно начали топтать в сторону комнат, но свет выключился снова. Топот обратно. Свет снова включился. В коридоре истерически начала материться Зинаида Геннадиевна: «Выключите свою сраную, блять, машинку, пробки вылетают, блять!» Ей меланхолично ответил парень Никита: «Вы тут не материтесь, совсем, что ли, нервы ни к черту?» Зинаида Геннадиевна прыскает, топает и хлопает своей дверью. Никита аккуратно закрывает свою дверь. Свет вырубается снова. Я выкидываю использованный платок и беру новый. Свет включается. Свет выключается. Свет включается. Свет выключается. Каково холодильнику, думаю. Свет включается. Холодильник потрескивает. Свет выключается. Кто-то одиноко топчется. Свет включается. Я сбиваюсь со счета. Внезапно открывается дверь в комнату, я в ужасе подпрыгиваю, что пришли за мной. Но это Рома, решивший прийти пораньше. За ним слышен голос Вадима, вопрошающий с надеждой: «У вас включено что-нибудь? Чайник?» Рома, находящийся в комнате долю секунды в верхней одежде и ботинках, перенаправляет вопрос мне. Я слабо издаю вялый писк, который, по моему замыслу, должен все отрицать. Вадим расстроено уходит. Свет больше не выключается.

Чуть позже вывешивают показания счетчиков (кто и сколько должен заплатить за свет), все становятся еще более раздраженными и постоянно гасят друг за другом свет.

8 марта. *Осминкин пишет:*

Воистину нужно было прожить в коммуналке год (первого марта была годовщина нашего заселения), чтобы лицезреть сегодня на кухне картину под названием «Двое мужиков у одной плиты»: круглый Вадим как всегда в своих «фирменных» шортах (больше на Вадиме никакой одежды по обыкновению не было) сразу на двух сковородках зажаривал мясо, которое свистело и стреляло во все стороны, так что плиту нужно было обходить не менее, чем за три метра. Поджарый Валера, прижав ухом мобильник к плечу, одновременно поздравлял своих донецких родственников («У вас там солнышко? А в Питере как всегда пасмурно...»), шнырял от раковины к плите, подкидывая в кастрюлю только что очищенную картошку и стараясь лавировать между Вадимом и его горячими сковородками.

Одно успокаивает: подобную картину в нашей коммуналке, являющейся в миниатюре слепком сегодняшнего российского патриархального общества (семимильными шагами идущего к возрождению Домостроя), в следующий раз придется лицезреть через год. Вот где феминистское критическое вопрошание «один день женский, а остальные мужские?» работает с точностью до наоборот: на нашей кухне твердо есть один мужской день, а остальные женские. Впору мужчинам начинать бороться за свои ущемленные права на готовку еды – против кухонной дискриминации со стороны женщин.

9 марта. *Вепрева пишет:*

Устав от ряда феминистских инициатив за последние дни, наконец-то решила посидеть дома. Пошла на кухню наварить себе гречки, а там Вадим и Вера что-то жарили, ведя непринужденную беседу. Своим сиплым голосом я пробурчала им «здрасьте» и начала приготовления. Вера заботливо поинтересовалась, не заболела ли я, не мешает ли она мне готовить – я уверила ее, что мне надо мало и быстро, но она все равно подвинулась. Спросила, как прошло мое восьмое марта, я ответила, что на работе как в бою, она понимающе вздохнула. Пока

гречка напитокывалась кипятком, я сбегала за деньгами и отдала Вере шестьдесят пять рублей за замену батарейки в колонке. По кухне прошла мрачная Оксана, которая, кажется, простудилась, Вадим заботливо побежал за ней, выясняя, чем ей помочь. Вера внезапно спросила меня: «А как вы относитесь к драникам?» Я растерялась, сказала, что не знаю, их надо жарить, все такое. Вера улыбнулась: «Ну вот нам с Вадимом делать нечего, и мы как раз жарим драники, давайте я вас угощу». Я машинально даю ей свою тарелку с гречкой, она кладет четыре мощных драника и, довольная, возвращает мне тарелку. Я ошалело кланяюсь, говорю «спасибо, спасибо большое» и на автопилоте ухожу. Сижу вот ем. Жирненькие, конечно, но приятно, блин.

12 марта. *Вепрева пишет:*

Семья притащила какую-то огромную тумбу и отжала себе еще больше места на кухне, сдвинув две плиты вплотную друг к другу. Теперь уже не залезть между плитами, чтобы тебя никто не трогал, придется толкаться. Удивительно, как мне не хватило смелости тоже что-нибудь отжать или возмутиться, нам ведь тоже не хватает места. Но мне даже в голову такое не приходит.

13 марта. *Осминкин пишет:*

С утра на кухне блинная фабрика. Масленица у городского люда не менее популярна, чем у деревенского.

Вера курит и улыбается золотыми коронками. Ольга печет блины. Сын Ольги полощет в раковине пальцы минут десять как.

Ольга: «Ох, Славик, и в кого ты у меня такой ленивый». (С явным намеком на своего мужа Артемия, который целыми днями между дежурствами играет в онлайн-игру «Танки».)

Вера (понимая Ольгин посыл): «Наверное, в прапрапрабабу, ха-ха».

Ольга: «Ой нет, моя прабабка была ого-го какая, двенадцать детей, спины не разгибала, а когда умерла, то так сгорбленной во гроб и поклали. Зато вот мамаша моя – это огонь была, сколько мы с ней за волосы друг друга потаскали, скоро день рождения ейное».

Вера: «Она овен, значит, а овны они такие упертые, что ни в жизнь. Вот моя мать товаро-ведом работала. Постоянно полный дом гостей. Убираться каждый день заставляла. Чуть присядешь – тут же команда – поднимай паласы. Так ведь, мам, говорю, вчера же только вытрясали. Поднимай паласы, говорит, и все тут. Однажды я не выдержала и на хер ее послала. Так она сначала в ступор впала от такой наглости, а потом побагровела и говорит: „А ну вставай на колени, проси у матери прощения!“ Я как дернула во всю прыть из дома, двое суток пряталась от нее, но прощения не попросила».

Ольга: «А вот у Оксанки мамаша тоже была помешана на чистоте, каждый раз как приезжает, Оксана в панике все надраивает. Говорит, что та в каждый ящик заглянет, как накрахмалено, как поглажено, все обнюхает».

Вера: «А вот отец мой был полная противоположность мамке – гордый очень – парторг на заводе ордена им. Ленина и еще черт знает кого, пока работал все уважали, а как уволился, так в нищете и помер, ничего с работы не брал – такой был честный».

Ольга: «Да все они на голову были ебанутые в этом эСэСэСэРе, вот моя мать однажды после очередной взбучки говорит мне, что я тебя, Олька, назло своему козлу родила, чтобы доказать ему, что и без него могу дите воспитать, и он мне на хер не нужен, а так бы аборт сделала, и не было ни тебя, ни проблем у меня с тобой никаких».

Вера (замечая мое присутствие): «Ты, Рома, прости нас, теток грубых. Сегодня прощенное воскресенье, кстати. Мать моя, прости меня (*гыкает в кулак*), за то, что я тебя послала на хер когда-то. (Обращаясь опять ко мне) Вот я тебе сказала: „Рома, прости меня“, – а ты что должен сказать?»

Я: «Простить должен?»

Вера: «Бог простит – ты должен сказать. Давай еще раз. Прости меня, Рома».
– Бог простит!
(Всеобщий сдавленный хохот.)

16 марта. *Вепрева пишет:*

Зинаида Геннадиевна пробегает сквозь кухню, присвистывая, и забегает в туалет. Потом выбегает и громогласно заявляет Вере, которая как раз моет посуду: «Смотри, как я быстро хожу в туалет! Не то, что некоторые по два часа сидят, у меня все быстро! Это коммунальная квартира, а не отдельная». Вера сводит все на шутку: «Это только вы так можете». Зинаида Геннадиевна, присвистывая, убегает довольная.

17 марта. *Вепрева пишет:*

Данные прослушки из ванной показали, что в коммуналке мы проходим под кодовым именем «ботаны».

Осминкин дописывает:

Настя Вепрева собрала все лайки, а ведь это я, Роман Сергеевич Осминкин, был в это злополучное утро в ванной и собственноручно слышал, как те самые «другие», те непонятные «обычные люди», «иные» называют нас ничтоже сумняшеся «ботанами». До этого мы – левые маргинальные художники/поэты – оставляли себе право на репрезентацию других в своих искусствах и поэзиях, отдавая взамен все остальное – деньги, постоянную работу, размеренную жизнь, телевизор на диване по вечерам и ужин в одно и то же время. Но тут случилось самое страшное – «они» тоже имеют право на объективацию нас! И, может быть, даже включили нас в свои будущие пьесы. То, что Сартр говорил про «другого», во взгляде которого всегда ад и бездна, вот эти ад и бездна, оказалось правдой. Ад и бездна раскрылись передо мной в то утро в ванной комнате коммуналки. Мир теперь никогда не будет прежним. Мы объективированы, профанированы коммунальными соседями. Наше исключительное право раздавать имена и экзотизировать казалось бы нерелексирующие социальные группы пассивных недосубъектов раз и навсегда низвергнуто. Мы просто-напросто «ботаны», нелепые персонажи, говорящие на птичьем языке и щебечущие непроизносимые еврейские и французские фамилии. Ботаны, у которых в комнате нету кровати, но зато есть найденный на помойке забитый книгами шкаф.

19 марта. *Осминкин пишет (частично со слов А. Вепревой):*

«И запах Родины нам сладок и приятен...» Воистину стоило вернуться мне из короткой творческой командировки в город Вена, чтобы особенно явственно ощутить, как с порога коммуналки в нос шибануло жареными шашлыками (шашлыки в квартире!). На кухне восседала почти вся мужская половина квартиры: Вадим и Никита топлес, Валера в рубашке в стиле челночных девяностых. Окно нараспашку, на подоконнике стоит электрический мангал, на котором открыто жарится мясо, нанизанное на шампуры. Ветер заносит его запах в кухню и далее загоняет по прикомнатным щелям. Запах шашлыков везде. Голые мужские тела, открытый подоконник, пиво и незлобивый матерок. Весна в нашей коммуналке уже наступила, и не важно, что на улице минус пять градусов и ледяной ветер.

Город Вена – нейтральное место мировой постистории с ее обонятельными искушениями, настигающими твои рецепторы венскими шницелями, венскими сосисками, венским кофе и венскими штруделями на каждом перекрестке, так что идешь одурманенный, насытившись одними только ароматами. Но не такая наша Россия – здесь история продолжается и творится руками наших соседей по коммуналке субботним мартовским днем прямо на подоконнике. Крепкие и не очень зубы настоящих мужчин вгрызаются в мясо, выхлебывая последнее из пластиковых пивных полторашек. Мужчины обсуждают последние новости: вчера Россия праздновала «присоединение» Крыма к России. Торжества прошли во многих городах и

собрали десятки тысяч восторженных горожан. Но уже сегодня наступило тяжелое похмелье – в Ростове-на-Дону разбился «Боинг» с туристами, летевший из Дубая. Праздник и Трагедия в России ходят рядом. Никакого нейтралитета постистории, никаких визгливых европейских ценностей. Только шашлык на подоконнике коммунальной кухни.

23 марта. *Вепрева пишет:*

С утра я проснулась от пиления. Вчера я была на пробах к фильму, где разгуливала в черном пальто и размахивала пилой, это сочетание показалось мне весьма необычным, однако суть оставалась все той же – в комнате Зинаиды Геннадиевны происходил акт пиления. Курить она не выходила, из чего я сделала вывод, что пилят либо ее, либо она уж очень увлечена своим делом.

Я умылась, сделала завтрак, а пиление все продолжалось. Стал доноситься голос внука «бабушка, бабушка». Я решила пошутить, что ЗГ пилит своего внука, а Роман решил добавить, что такими темпами она скоро нас самих отсюда выпилит. «Свиньи! Свиньи! Выпилю! Выкурю и выпилю!» – вошла в раж я, полностью отдавшись подражанию. А пиление продолжалось.

Прошло около часа, а она все пилила. Мы уже терялись в догадках, что происходит за нашими стенами. В коридоре стали появляться выпиленные полки, стойки, и я представила, как она, вместо того чтобы размонтировать свою мебель, злостно выпиливает ее со стен все утро.

Тут пиление стихло и началась долбежка. Казалось, что наша Зинаида ранее работала бурильщиком, и сейчас она снесет стену своими мощными ручищами. Вибрации от этой долбежки спокойно могли произвести мгновенную перепланировку в нашей квартирке с деревянными шаткими перекрытиями и без капитального ремонта со времен 1899 года. Еще где-то час продолжалось это мракобесие, а потом все стихло и она начала просто топтаться как обычно. Я отвлеклась.

24 марта. *Вепрева пишет:*

Решила вынести пакет с мусором на площадку, чтоб потом прихватить по пути на улицу. Открываю дверь, а она не открывается. Ничего не понимаю – толкаю, а дверь не открывается. Смотрю в глазок внимательно, вижу, что подперта чем-то. Ах это шкаф Зинаиды Геннадиевны, который она вынесла на площадку неделю назад и никак не может донести до помойки. Иду к ней, стучу. Слышу ее «да, да» и открываю дверь. Зинаида чаевничает с внуком, а ее собака Тотоша сразу бросается на меня и гавкает. Описываю ей ситуацию, она спокойно выслушивает, встает, говорит «Щас откроем», и мы идем к входной двери. Она бодро толкает дверь, шкаф сдвигается, она потирает ладони и говорит: «Да это наша соседка ебанутая, у нее совсем крыша съехала, не в первый раз такое». И уходит обратно чай пить.

27 марта. *Вепрева пишет:*

Будучи в ванной, опять наслушалась историй про себя от Зинаиды Геннадиевны. Что я холодной водой моюсь, потому что к цивилизации не привыкла, что мы, дескать, куртки свои не стираем, позорище и т. д. На выходе Илона ненавязчиво спросила, не забыла ли я про свое дежурство. Узнали мы о нем только вчера, опять же из ванной, что мы свиньи-свиньи и не убираемся. Ну я решила пойти напролом и начать массированно убираться, да так, чтоб гонять веником и шваброй Зинаиду Геннадиевну по кухне. Я вышвырнула все их табуретки для курения, отчего им пришлось недовольно курить стоя (кстати, это выходило у них быстрее), не пускала в туалет, демонстративно все намыливая, даже дверные ручки. Если кто-то надумал зайти, то я сразу выметала его веником. Отлично повеселилась. Я ворчливо скоблила непонятные куски жира под ванной, оттирала стекла, каждый раз доставляя предельное неудобство. А вся семья в этот момент пыталась жарить курицу на своем гриле, и им приходилось почти

левитируют, чтобы и на меня не наступить, и на намытое, и до куры добежать. А у меня тут пыль клубами, белизна ручьями – много-много, море удовольствия. Победу я отпраздновала тогда, когда Оксана нетерпеливо спросила «а скоро ли курочка?», рассказав перед этим, что она так рано пришла из церкви, потому что ее батюшка выгнал за отсутствие крестика. На это ЗГ сказала, что «скоро скоро, я сейчас уйду, чтобы Настеньке не мешать, не топтать, моет же, неудобно мне».

Через полчаса, опять из ванной, я слышала, как пришел Артемий и ЗГ рассказала ему, что безумная соседка (которая ранее забаррикадировала дверь) в этот раз напала на оставленный пакет с мусором и раскидала его по парадке. ЗГ собрала его обратно и нежно положила ей под дверь.

Апрель

1 апреля. *Осминкин пишет:*

Клопы – это не проблема среднего класса. Но мы не средний класс. Сегодня с утра мы травим клопов дихлофосом, пускали в расщелины газ. Потом замазывали паркет – детским пластилином, так как замазки в Fix Price нет, а мне было лень шаробиться по магазинам. Матрас поставили на дыбы и опрыскали его обильно, потом открыли все окна, двери и ждали клоповьей смерти. Клопы – это не проблема среднего класса, клопы – это проблема богемы, живущей этажом выше притона наркоманского, где укусы клопов неотличимы от уколов в вену. Старый паркет в квартире богемы рассохся и вздулся, между паркетин зияют щели, а на стене висит классическое искусство, облагораживая помещение. Это «Неизвестная» Крамского, репродукция сталинских лет. В инструкциях пишут, есть вероятность, клопы облюбовали и этот портрет. Клопы – это не проблема среднего класса, но в России со средним классом не очень. Как говорит Навальный, 0,2% семей контролируют 70% национального богатства, а остальные свою жизнь еле волочат. Клопы – это не проблема среднего класса, но мы не средний класс, а люмпен-полубогема. В наши тела стучит пепел Клаасса, это укусы клопов требуют отмщения. Все не так плохо, дихлофос выветрится, клопы умрут на какое-то время, и соседка, вылезая на кухню покурить, затянувшись до скрипа в легких, объявит, что смерти нет.

2 апреля. *Вепрева пишет:*

Я вышла на кухню, чтобы приготовить завтрак, а попала на настоящую войну. В слепой ярости по квартире носилась Ольга с ведром и шваброй и кричала: «Уроды, ненавижу!» Хотя обычно она была суровым, но спокойным персонажем. Я увидела, что все помыто, и удивилась, ведь сейчас смена Илоны, а моет почему-то Ольга. Я робко прижалась к раковине и услышала, как Ольга только разгорячилась: «Умеют только срать, ссать и топтать по помытому! Правильно мама говорит, что свиньи все и только пачкают все! Как самим-то не противно!» Я решила замереть за своей стойкой, готовя тихо завтрак и не подавая особых признаков жизни. Элегантно накрашенная Оксана, одетая в короткое черное платьице, вышла и спокойным голосом начала умасливать Ольгу: «Ты у нас молодец, ты самая лучшая». Та продолжала кричать: «Свиньи!» Оксана не сдавалась.

Оксана: «На прошлой неделе сдавала Настя, и мы с мамой отметили, что все очень хорошо помыто».

Ольга: «Какая разница – я три совка пыли сейчас вымела!»

Оксана: «Ты очень большой молодец!»

Ольга: «Я ломовая лошадь!»

Оксана: «Такова наша долюшка женская... О, Настя, это вы вкрутили нам лампочку?»

Ольга: «Это я вкрутила вам сраную лампочку, не можете себе даже лампочку вкрутить! Я за своей всегда слежу, хотя ею все пользуются, свиньи».

Оксана: «Спасибо, Ольга, ты молодец».

Мимо тенью по стене пробегает испуганный Валера. Ольга постепенно утихает и начинает пинками собирать сына на стрижку. В этот момент Артемий безрезультатно пытается попасть в туалет, но в итоге уединяется в ванной. Ольга кричит на сына «где твой папаша?», на что ребенок отвечает, что тот, наверное, как всегда спит. Ольга кричит Артемию: «Где ты, блять, сын парится». Тот угрюмо бурчит из ванной, что скоро. Я покидаю кухню в изумлении, забыв про свое желание попасть в туалет.

3 апреля. *Вепрева дописывает про 2 апреля:*

Оказалось, что Ольга так распереживалась из-за грязи, так как это был день рождения ее сына и к ним собирались его друзья. Об этом меня ненавязчиво предупредила нарядная Оксана, примерно в такой форме, что раз в год у них бывает такое нашествие. Я решила отшутиться, что как раз сегодня ухожу на свадьбу к подруге и пропущу все «веселье».

Но веселье я не пропустила. В какой-то момент квартира наполнилась орущими детьми и лающими собаками. Если обычно оба сына сидят тихо и не высовываются, то тут они и все остальные получили полную свободу – носились по всей квартире, орали, что они занимают ту или иную крепость.

Началось с того, что в мою комнату вломился какой-то пацан, и, увидев мое лицо перед своим, страшно перепугался (надо добавить, что на свадьбу я решила напудрить белым лицо и накрасить черным губы). Но закуток перед нашей дверью уж очень им понравился, благо еще и Зинаиды Геннадиевны не было дома, и некому было кричать им «кыш».

Мне повезло, что я никуда не опаздывала, потому что дети решили захватить этот кусок коридора и забаррикадировали его так, чтобы оставшиеся внутри не смогли выйти и остались в кромешной тьме. Визг стоял неимоверный. В припадке восторга дети снесли всю одежду, кидались шапками и ботинками. Вскоре оборона была прорвана, но захват начался с новой, особенной яростью. Я уже начала планировать контрнаступление, внезапно появляясь из темноты бледно-черной и подвывая так, чтобы мальцы окончательно обосрались, но Ольга оказалась первой, резко дернув заблокированную дверь и рявкнув на всех: «Домой!» Я улучила момент и просочилась на выход. Оксана пожелала мне веселой свадьбы и добавила, что это еще цветочки. Я нервно засмеялась, что, значит, я-таки вовремя ухожу, и свалила оттуда побыстрей.

13 апреля. *Вепрева пишет:*

Стою на кухне, мою посуду. Из комнаты Ольги в туалет выбегает сын Оксаны. И как заорет там. Выпрыгивает и стоит в шоке. Начинает бубнить в пустоту: «Жук! Огромный жук! Я боюсь его. Он прямо там». Решаю пойти на контакт, смотрю на него сурово и говорю: «Показывай». Заходим с ним в туалет, чувак сгорает от возбуждения, прыгает вокруг меня, а там прямо из унитаза на меня смотрит комар. «Вот, вот жук!» – тыкает пальцем в него пацан. Говорю скептически: «Это комар». «Комар! Комар! – кричит он. – Я боюсь комаров». Я вздыхаю, беру ершик и фигачу по комару. Он падает в воду, но продолжает бултыхаться там. Я безжалостно его добиваю. Парень взрывается от восторга. Я выхожу, закрываю за ним дверь, слышу, как он там журчит и урчит, видимо, сладостно этого комара добивая. Выбегает с хейт-спичем: «Ага! Злой комар повержен! Больше не будешь никого кусать! Ха-ха-ха!» Забегает в комнату довольный.

14 апреля. *Вепрева пишет:*

Вечером я стирала, а потом обнаружила, что кто-то выключил машинку. Я подумала, что отрубилось электричество, но машина была выключена по окончании цикла. Потом поставила свеклу в ночи. Через полчаса кто-то приоткрыл крышку, чтоб не выкипало. Еще через час я обнаружила ее выключенной. Проверила, свекла сварилась. А потом шторка в душе за мной подправилась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.